Атмосфера общественнаго воспитанія въ Германіи въ XIX вѣкѣ

(по Т. Циглеру).

У культурнаго человѣчества есть хорошая привычка—время отъ времени оглядываться назадъ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ сдѣланномъ, въ пережитомъ. Если поводъ къ этому даетъ даже завершеніе того или другого десятилѣтія, то тѣмъ болѣе теперь, на рубежѣ двухъ столѣтій, вполнѣ естественно желаніе—подвести итоги сдѣланному за 100 лѣтъ, и многіе, конечно, попытаются взяться за увлекательную задачу подведенія подобныхъ итоговъ. Изъ этихъ попытокъ для нашего журнала представятъ наибольшій интересъ, конечно, тѣ, которыя прямо или косвенно будутъ касаться вопросовъ воспитанія. При этомъ мы имѣемъ въ виду не только воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ—воспитаніе семейное или школьное: читателю нашего журнала извѣстно, что «Вѣст. Восп.», считалъ всегда наиболѣе важнымъ изслѣдованіе тѣхъ общихъ, основныхъ причинъ, которыми обусловливается весь ходъ воспитанія, даваемаго не только школою, но и жизнью. И въ самомъ дѣлѣ, та или иная группировка общественныхъ силъ, тѣ или другія умственныя теченія, господствующія въ обществѣ, существованіе или отсутствіе такихъ учрежденій могли бы сыграть роль благопріятной воспитательной среды—все это воспитательныя условія важности безконечно большей, чѣмъ тѣ или другія школь-

ныя программы и правила. Воспитателями являются не только родители и школьные учителя, но также — и часто воспитателями гораздо болѣе вліятельными—тѣ изъ поэтовъ, философовъ, критиковъ и публицистовъ, которымъ придаютъ эпитетъ «властителей думъ». Правда, эти «властители думъ» обращаются со своимъ воспитательнымъ воздѣйствіемъ не къ маленькой группѣ, въ родѣ семьи и школьнаго класса, а ко всѣмъ своимъ согражданамъ, къ обществу, являясь такимъ образомъ не личными, а общественными воспитателями: но это свидѣтельствуетъ лишь объ особой важности ихъ роли. Размѣры вліянія дѣятелей общественнаго воспитанія весьма различны: иногда они царятъ надъ умами огромнаго большинства своихъ современниковъ, иногда ихъ вліянію подчиняются лишь маленькія группы. Бываетъ и такъ, что писатель, въ свое время признанный лишь небольшою группой, дѣлается «властителемъ думъ» далекихъ поколѣній. И опять-таки главнымъ образомъ не отъ личныхъ свойствъ воспитателя-писателя, а отъ свойствъ его аудиторіи, отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ условій зависятъ формы и предѣлы его общественнаго вліянія.

Изъ попытокъ, посвященныхъ вопросамъ общественнаго воспитанія въ XIX вѣкѣ, наиболѣе дѣльной является книга страссбургскаго професора *Т. Циглера* [1]), матеріаломъ которой мы и воспользуемся для настоящей статьи. Книга касается, непосредственно, одной Германіи, но, при тѣсной связи жизни всѣхъ культурныхъ государствъ, даетъ собственно картину общаго хода жизни въ XIX вѣкѣ, поскольку ходъ этотъ преломлялся въ спеціальныхъ германскихъ условіяхъ.

И идеи, и факты общественной жизни, и выдающіеся мыслители и дѣятели, и среда—все это оказывало воспи-

---

[1]) Die geistigen und Socialen Strömungen des Neunzehnten Jahrhunderts, von Dr. Theobald *Ziegler*, ord. Professor an der Universität Strassburg. VII+714 S. Berlin, 1899.

тательное воздѣйствіе на народную жизнь, но въ разной степени, конечно, притомъ неодинаково въ различные періоды XIX вѣка. Въ началѣ вѣка книжныя идеи въ Германіи являлись относительно болѣе важнымъ факторомъ, чѣмъ въ концѣ. «Первая половина нашего вѣка, говоритъ Циглеръ, была болѣе литературной, болѣе книжной, чѣмъ вторая. Правда, печатается теперь еще больше и, поскольку, по крайней мѣрѣ, это касается газетъ, читается такъ же больше... Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно иначе, гораздо выше цѣнимъ мы теперь людей воли и дѣла, чѣмъ въ началѣ вѣка, когда нѣмцы оборонялись бы отъ подобнаго «человѣка дѣла», какъ отъ своего злѣйшаго врага, и противопоставляли бы ему прежде всего свое духовное развитіе и идеологію». Различной является также роль единицъ и массъ въ началѣ и концѣ вѣка: начало было далеко болѣе индивидуалистичнымъ, чѣмъ конецъ, какъ по роли отдѣльныхъ лицъ, такъ и по отношенію къ индивидууму и къ обществу. Къ концу вѣка получаютъ все большую и большую силу общественныя (въ противовѣсъ прежнимъ индивидуалистическимъ) и демократическія тенденціи. И въ дѣлѣ воспитанія нашъ вѣкъ становится болѣе демократичнымъ не только въ томъ смыслѣ, что школа захватываетъ все болѣе широкіе слои населенія, но также и въ томъ, что книжныя идеи, литература, философія становятся воспитательнымъ факторомъ для все большаго круга населенія. Сперва же онѣ были достояніемъ лишь небольшихъ кружковъ.

Глава I.

Главныя умственныя теченія 1800—1830 гг. и оцѣнка ихъ воспитательнаго воздѣйствія.

Въ виду той выдающейся воспитательной роли, которую въ началѣ вѣка играли идеи, отвлеченное міросозерцаніе, мы и остановимся прежде всего на умственныхъ теченіяхъ того времени. Не безъ богатаго духовнаго

наслѣдія вступилъ въ жизнь XIX вѣкъ. Предыдущее столѣтіе было, какъ извѣстно, вѣкомъ «просвѣщенія», вѣкомъ раціоналистическаго міросозерцанія. То была пора нетронутой еще, юношеской вѣры въ силу человѣческаго разума. Лозунгомъ этой эпохи было, говоря словами Канта: «Имѣй смѣлость пользоваться своимъ собственнымъ умомъ». Это простое, повидимому, требованіе было богато многими важными послѣдствіями. Приверженецъ «просвѣтительныхъ» идей въ лицѣ Фридриха Великаго восходитъ на королевскій престолъ и провозглашаетъ оттуда, что король долженъ быть первымъ слугою своего государства, и что въ его земляхъ каждый можетъ быть благочестивъ по своему. Этой практикѣ соотвѣтствуетъ теорія, учившая, что въ основѣ всякаго государства лежитъ договоръ между гражданами и правительствомъ,—договоръ, въ силу котораго граждане поступаются въ пользу правительства частью своей свободы въ тѣхъ видахъ, чтобы получить надлежащую охрану остальныхъ своихъ правъ. Эта такъ называемая теорія «договорнаго государства» существовала уже давно, но наиболѣе опредѣленную формулировку получила въ твореніяхъ Руссо. Подъ вліяніемъ «просвѣщенія» и въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности, особенно въ Англіи и Голландіи, возникаетъ новое общество, комплектующееся главнымъ образомъ изъ буржуазныхъ, бюргерскихъ слоевъ и заявляющее притязанія на равноправность съ прежними элементами государственной жизни. Въ логической связи съ этими условіями стоитъ и то, что въ это именно время возникаетъ реальная школа, школа для воспитанія среднихъ слоевъ (буржуазіи, бюргерства) по преимуществу.

Смѣло, дерзко, съ юношескимъ самомнѣніемъ и незнаніемъ препятствій и юношескою вѣрой въ успѣхъ, вѣрой во всемогущую силу разума, для котораго нѣтъ невыполнимыхъ задачъ, нѣтъ сокровенныхъ тайнъ, нѣтъ непреодолимыхъ условій, выступало раціоналистическое міросозерцаніе въ борьбу съ прошлымъ, главнымъ образомъ

въ борьбу со всякой традиціей, со всякимъ авторитетомъ вообще, авторитетомъ церковнымъ по преимуществу. Борьба велась во имя личности, въ интересахъ ея освобожденія; въ этомъ отношеніи она была вполнѣ индивидуалистической; была она индивидуалистической и по тому, какъ велась: каждый считалъ необходимымъ опираться лишь на *свой* умъ и велѣнія *своего* сердца. Черты субъективизма и индивидуализма являются такимъ образомъ отличительными признаками всей эпохи просвѣщенія.

На эпохѣ просвѣщенія отражаются всѣ лучшія и худшія стороны юношескаго міросозерцанія и юношескаго настроенія. Но люди не остаются вѣчно юношами. Зрѣетъ умъ, и многое, что казалось такимъ простымъ и яснымъ раньше, оказывается гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ. Препятствія, казавшіяся ничтожными, оказываются въ дѣйствительности, сплошь и рядомъ, значительными преградами. Сильныхъ людей это открытіе только понудитъ довести до возможнаго напряженія свои силы, слабыхъ же приведетъ въ уныніе и заставитъ безсильно опустить руки, точно такъ же, какъ и трудность пониманія извѣстныхъ явленій для однихъ явится толчкомъ для усиленной работы мысли, а другихъ приведетъ къ признанію безсилія разума и науки, къ провозглашенію господства въ мірѣ чего-то таинственнаго, непонятнаго, доступнаго только внутреннему чувству, но не разуму. Свои, индивидуальныя, силы оказываются недостаточными для выполненія великихъ задачъ. Однихъ сознаніе этого приведетъ къ мысли о необходимости объединенія многихъ разрозненныхъ силъ въ одну могучую общественную силу, другихъ заставитъ пожалѣть о той *опекѣ*, освободить отъ которой стремилась ихъ эпоха просвѣщенія. Мы и увидимъ въ дѣйствительности всѣ эти расходящіеся пути, по которымъ люди пошли въ сторону отъ міросозерцанія эпохи просвѣщенія. И они неизбѣжно должны были отойти отъ этого міросозерцанія, по самому существу своему являвшагося состояніемъ переходнымъ.

Уже Лессингъ, до самой своей смерти считавшійся ревностнѣйшимъ глашатаемъ «просвѣщенія», а тѣмъ болѣе Кантъ своими идеями значительно подорвали вѣру въ непогрѣшимость тѣхъ «просвѣтительныхъ» идей, которыя охарактеризованы выше. Но сильнѣйшій ударъ, притомъ ударъ сознательно разсчитанный, былъ нанесенъ этому міросозерцанію философомъ Фихте, направившимъ противъ его представителей, въ лицѣ Николаи, свой памфлетъ «Жизнь и удивительныя мнѣнія Фридриха Николаи». Въ этомъ памфлетѣ Николаи, наиболѣе заслуженный изъ остававшихся въ живыхъ нѣмецкихъ представителей «просвѣщенія», старый другъ Лессинга, высмѣивался самымъ жестокимъ образомъ.

Огромный успѣхъ несправедливаго по существу памфлета являлся лучшимъ свидѣтельствомъ несомнѣннаго паденія престижа просвѣтительныхъ идей. При всемъ томъ Николаи не былъ единственнымъ въ то время для Германіи представителемъ идей «просвѣщенія». И послѣ его смерти (1811 г.) «просвѣщеніе» продолжало еще влачить свое существованіе среди духовенства и главнымъ образомъ среди бюргерства небольшихъ еще въ то время городовъ, но оно сильно устарѣло для своего времени и возбуждало насмѣшливое отношеніе къ себѣ со стороны большинства образованнаго общества. «Онъ былъ правъ и при всемъ томъ выставлялъ себя въ смѣшномъ свѣтѣ», эти слова, сказанныя Гейне о Николаи, касаются,—говоритъ Циглеръ,—и притомъ необыкновенно мѣтко касаются и цѣлаго». А устарѣло «просвѣщеніе» въ значительной степени уже и потому, что, благодаря его же усиліямъ, устарѣли многія условія, противъ которыхъ оно боролось. Уничтоженіе пытки въ судопроизводствѣ и тѣлеснаго наказанія въ войскѣ, отмѣна крѣпостного права и прежнихъ дворянскихъ привилегій, сближеніе классовъ, кастически раздѣленныхъ дотолѣ, — вотъ нѣсколько примѣровъ того, чего добивались писатели просвѣтительнаго лагеря. А когда лучшія пожеланія ихъ были осуществлены, когда

исчезли наиболѣе вопіющія изъ тѣхъ золъ, противъ которыхъ они боролись, ихъ произведенія утратили жгучій интересъ минуты, подобно тому какъ утратила его для настоящаго времени «Хижина Дяди Тома». Но при всемъ томъ, какъ бы ни подвергались забвенію книги, когда-то читавшіяся нарасхватъ, «просвѣтительныя» идеи глубоко вліяли и на позднѣйшихъ дѣятелей первыхъ десятилѣтій вѣка.

Но въ самомъ началѣ вѣка вліяніе «просвѣтительныхъ» идей на современное общество было очень незначительно. Еще меньшимъ, чѣмъ «просвѣщеніе», вліяніемъ пользуется въ началѣ вѣка «новогуманизмъ» или «классицизмъ», искавшій въ греческомъ и римскомъ мірѣ идеаловъ и образцовъ для духовнаго, главнымъ образомъ, эстетическаго возрожденія и совершенствованія личности. Это ученіе эстетическаго индивидуализма было достояніемъ небольшого кружка духовной аристократіи и лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ перваго десятилѣтія вѣка, въ руки Вильгельма Гумбольдта, виднѣйшаго представителя этого теченія, попало руководство берлинскимъ университетомъ, принципы классицизма были усвоены университетомъ и прусской гимназіей и такимъ образомъ вошли, какъ важный составной элементъ, въ систему общаго нѣмецкаго духовнаго воспитанія.

Въ началѣ же вѣка гораздо популярнѣе, гораздо моднѣе и раціонализма и классицизма было литературное теченіе, возникшее на самомъ рубежѣ вѣка: то былъ романтизмъ. Во многихъ, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ романтизмъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ реакція раціонализму. Какъ раціонализмъ провозгласилъ царство ума, для котораго все въ мірѣ доступно и ясно, — ума, выводящаго все изъ себя, не считаясь съ историческими условіями, легко сбрасывающаго всякую опеку, такъ романтизмъ стоялъ въ господствѣ сердца, безотчетнаго чувства, авторитета и традиціи; стремился онъ не къ тому, чтобы сдѣлать все простымъ и яснымъ, а къ тому, чтобы

открыть существованіе таинственнаго и мистическаго. Мистицизмъ и благоговѣніе предъ традиціей, авторитетомъ мы находимъ, впрочемъ, лишь у позднѣйшихъ представителей романтизма, но преклоненіе предъ чувствомъ, признаніе его первенства надъ разумомъ встрѣчаемъ уже у первыхъ провозвѣстниковъ ученія. Однимъ изъ такихъ первыхъ провозвѣстниковъ былъ въ извѣстной степени *Руссо*, противоположившій интеллектуализму «просвѣщенія» «чувствительное, инстинктивное, геніальное», провозгласившій господство чувства. На ряду съ нимъ, по вліянію его на развитіе романтизма въ Германіи, можетъ быть поставленъ *Гердеръ*. Подъ вліяніемъ остроумныхъ разсужденій Гердера о народности и національномъ элементѣ въ поэзіи и языкѣ написаны не только нѣкоторыя изъ народныхъ балладъ Бюргера, но и Гецъ фонъ-Берлихингенъ Гёте. Своимъ положеніемъ о религіи, какъ о «святая святыхъ человѣческаго духа», онъ предварилъ религію чувства Шлейермахера. Во имя идеи воспитанія, самой великой вещи для него, онъ самымъ рѣзкимъ образомъ, какъ наиболѣе ярые изъ романтиковъ, напалъ на «просвѣщеніе». «Просвѣщать,—писалъ онъ,—не значитъ воспитывать; всѣ наши просвѣтительныя учрежденія не только пренебрегаютъ, но и отрицаютъ главную цѣль воспитанія: человѣчность и благополучіе». Если принять, кромѣ того, во вниманіе чутье Гердера къ природѣ, его пониманіе оригинальности среднихъ вѣковъ, своеобразность его геніальнаго мышленія, съ его безсистемностью и страстною субъективностью, то, какъ бы ни оцѣнивать вліяніе Гердера на того или другого изъ романтиковъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся предшественниковъ романтизма вообще.

Романтизмъ имѣлъ своихъ поэтовъ, группировавшихся вокругъ Августа и Фридриха Шлегелей, своихъ проповѣдниковъ, представителемъ которыхъ былъ Шлейермахеръ, и своихъ философовъ, съ Шеллингомъ во главѣ.

Шлейермахеръ былъ величайшимъ изъ романтиковъ. Его проповѣдь сводилась къ проповѣди религіи сердца. Религія должна быть, по его словамъ, «исполненнымъ предчувствія созерцаніемъ вселенной, созерцаніемъ безконечнаго въ конечномъ; какъ слѣдствіе этого, должно явиться своеобразное настроеніе, подобно священной музыкѣ сопровождающее всю дѣятельность человѣка. Благодаря религіи, и единственно при ея посредствѣ, въ каждомъ человѣкѣ отражается все человѣчество». «Строя, — замѣчаетъ Циглеръ,—религію на одномъ чувствѣ, Шлейермахеръ считалъ ее независимой отъ развитія науки и отъ измѣненій въ нравственныхъ идеяхъ, но при всемъ томъ онъ ставилъ ее въ центрѣ какъ человѣчества, такъ и вселенной, пантеистически сливавшейся для него воедино съ Божествомъ».

Въ противоположность сухой, отрицающей всякую оригинальность морали Канта, Шлейермахеръ провозгласилъ и за религіей право на индивидуальную оригинальность: быть тѣмъ, что ты есть, выработать въ себѣ свою индивидуальность—это, по его мнѣнію, наша нравственная задача, въ этомъ—назначеніе человѣка.

Шлейермахеръ не поддался реакціоннымъ теченіямъ романтизма, какъ не поддался и его нравственной неразборчивости. Не только на практикѣ онъ былъ безукоризненно чистымъ человѣкомъ, но и въ теоріи также онъ не допускалъ того смѣшенія этики и эстетики, которое, какъ будетъ указано ниже, такъ характерно для романтиковъ. Типичные романтики никогда не проводили надлежащей грани между прекраснымъ и нравственнымъ, и въ этомъ смыслѣ философъ Шеллингъ былъ далеко болѣе «чистымъ» романтикомъ, чѣмъ проповѣдникъ Шлейермахеръ. Его волнуютъ не нравственные, а эстетическіе интересы. По ученію его «системы трансцендентальнаго идеализма» (1800) искусство является общимъ, единственно истиннымъ и вѣчнымъ органомъ философіи. Философія Шеллинга была полнѣйшею противоположностью не только

Кантовской, съ ея монашескимъ ригоризмомъ, съ ея преклоненіемъ предъ разумомъ, но и антитезой философіи непосредственнаго учителя Шеллинга—Фихте, съ ея враждебностью къ природѣ. Фихте совершенно не понималъ природы, она ничего не говорила ни его уму, ни сердцу: говоря словами Шеллинга, Фихте отказывалъ ей въ существованіи и жизни, она была для него чѣмъ-то мертвымъ, совершенно ничѣмъ, пустымъ привидѣніемъ, такъ что даже и говоритъ онъ о ней всегда, какъ о «такъ называемой» природѣ. Наоборотъ, для романтиковъ, въ томъ числѣ и для Шеллинга, природа была реальностью, дѣйствительностью. Правда, многіе романтики, особенно поэты, видѣли въ дѣйствительности не реальную природу: они переносили въ нее міръ своихъ чувствъ и настроеній. За міромъ грезъ часто совершенно исчезала дѣйствительная природа, и особенно романтикъ Тикъ былъ искусенъ въ дѣлѣ заселенія природы продуктами собственнаго настроенія и фантазіи. Природа одухотворялась романтиками, получала душу отъ нихъ и, какъ это вполнѣ естественно, это была ихъ собственная, романтическая душа. Приведеніе въ систему того, что начато было поэтами-романтиками,—задачу философскаго одухотворенія природы—и взялъ на себя Шеллингъ. Онъ былъ «натур-философъ», и въ этомъ отношеніи его философія ближе къ Кантовской, чѣмъ къ Фихтевской: вѣдь и Кантъ внесъ свой вкладъ въ натурфилософію, замѣнявшую собою въ Германіи въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, естествознаніе. Открытіе общихъ и всеобъемлющихъ законовъ, общихъ началъ, сказывающихся въ жизни природы,—вотъ задачи натурфилософіи, и естествознаніе и теперь не отказывается отъ этихъ задачъ. Но съ большей осторожностью приступаетъ оно теперь къ ихъ разрѣшенію, тогда какъ въ началѣ вѣка задачи эти такими натурфилософами, какъ Шеллингъ, разрѣшались гораздо смѣлѣе. Ему казалось, что онъ открылъ тайну одухотворенной имъ природы, нашедши законъ «полярности», противоположности, на

которой покоятся все развитіе, вся жизнь, вся наука. Теперь очень нетрудно высмѣивать нелѣпости многихъ воззрѣній Шеллинга—въ родѣ того, что растенія представляютъ углеродный, а животныя — азотный полюсъ, почему животныя являются южнымъ, а растенія сѣвернымъ элементомъ, или что животныя представляютъ въ природѣ желѣзо, а растенія — воду, но въ этой нелѣпой оболочкѣ скрытъ истинно-философскій духъ. Яснѣе Канта и Гёте, за 10 лѣтъ до Ламарка и за 60 до Дарвина, Шеллингъ примѣнилъ къ природѣ идею развитія: послѣдовательность всего органическаго существованія, говорилъ онъ, создалась «постепеннымъ развитіемъ одной и той же организаціи». Онъ же провозгласилъ, что «принципы организма и механизма одни и тѣ же», что—вездѣ и во всемъ жизнь, провозгласилъ, однимъ словомъ, то ученіе, которое мы зовемъ теперь монизмомъ. Къ сожалѣнію—и въ этомъ важнѣйшая ошибка натурфилософіи—выводы свои она строила не на основаніи точныхъ изслѣдованій: всѣ ея заявленія были лишь смѣлыми догадками, широкими аналогіями, подчасъ пустыми словами. Но, повидимому, эта именно безпочвенность, презрѣніе къ опытному изслѣдованію, смѣлость догматическихъ утвержденій и увлекала современниковъ. Какъ говорятъ многочисленныя свидѣтельства, натурфилософія Шеллинга безраздѣльно покоряла ему многихъ и многихъ. Было ли это увлеченіе полезно или вредно для развитія точной науки въ Германіи? «Такъ какъ мы увлекались тогда натурфилософіей, у насъ не было естествознанія», мрачно замѣчаютъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ ученыхъ. Циглеръ считаетъ это мнѣніе одностороннимъ и лишь на половину вѣрнымъ. Нужно посчитаться, думаетъ онъ, и съ другой стороной. Кантъ и Фихте сдѣлали философію чуждой природѣ: Кантъ противъ своей воли, просто потому, что, благодаря односторонности своего воспитанія, онъ не имѣлъ чутья къ природѣ, Фихте сознательно отрицалъ ее. Въ противоположность имъ, Шеллингъ, какъ

романтикъ, сперва самъ почувствовалъ интересъ къ природѣ, а затѣмъ внушилъ его и своему народу. «А затѣмъ, когда прошли оргіи безплодной натурфилософіи, тогда, какъ осадокъ въ этой опьяняющей чашѣ, остались двѣ вещи: интересъ къ природѣ, который довольно быстро побудилъ и нѣмцевъ къ методическому изслѣдованію ея, и универсализмъ міровозрѣнія, живо поддерживающій мысль какъ объ единствѣ природы во всѣхъ ея частяхъ, такъ и объ единствѣ природы и духа, и не дающій такимъ образомъ окончательно разорваться связи между естествознаніемъ и философіей».

Но отъ высотъ философскаго мірозерцанія возвратимся *къ низинамъ* романтической жизни. Тамъ далеко не все было утѣшительно. Вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ какъ будто добрый духъ покидаетъ романтизмъ, и послѣдній неудержимо свершаетъ свой путь въ направленіи къ реакціи, принося съ собою странное смѣшеніе добрыхъ и злыхъ вліяній, съ преобладаніемъ, къ сожалѣнію, дурныхъ вліяній. И вотъ именно своими дурными сторонами въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій романтизмъ задаетъ тонъ умственнымъ теченіямъ вѣка.

Тремя своими сторонами романтизмъ имѣлъ пагубное вліяніе на науку и жизнь, а именно: 1) возведеніемъ въ перлъ созданія хотѣній личности, въ связи съ чѣмъ стоятъ недисциплинированность, годсподство каприза и произвола въ мысли и жизни; 2) проповѣдью реакціонныхъ тенденцій какъ въ религіозныхъ, такъ и политическихъ вопросахъ: 3) смѣшеніемъ этическаго и эстетическаго романтизаціей жизни. Каждая изъ этихъ сторонъ стоитъ, чтобы остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Въ дѣлѣ возвеличенія личности романтики шли по тому же пути, который былъ намѣченъ и писателями XVIII в., и Кантомъ, и Фихте, доведя лишь до крайнихъ предѣловъ то, что въ зародышѣ содержалось уже въ предыдущихъ теоріяхъ. Кантъ указалъ на то, что причинность, закономѣрность, наблюдаемая въ природѣ, не есть нѣчто,

существующее само по себѣ, въ дѣйствительности, а является лишь свойствомъ нашего разума: такъ какъ разумъ нашъ закономѣрно познаетъ природу, то ему и кажется, что и самой природѣ свойственна закономѣрность, но это именно только кажется. Фихте сдѣлалъ еще шагъ въ томъ же направленiи: природы нѣтъ, весь мiръ явленiй—лишь продуктъ творческой силы человѣческаго воображенiя; человѣческое «я» такимъ образомъ становится единственнымъ творцомъ всего этого мiра. Романтики пошли еще дальше: Кантъ признавалъ еще закономѣрность если не за природой, то за человѣческою логикой, романтики изгнали всякое понятiе о закономѣрности, о законѣ даже изъ сферы человѣческаго ума и одарили его произволомъ генiя: истинно творческимъ, по ихъ ученiю, можетъ быть только генiальное, художественное, ничѣмъ не связанное и самого себя ничѣмъ не связывающее «я». Наука освобождалась ими отъ дисциплины логическаго закона, отъ требованiй достаточнаго основанiя, все это казалось слишкомъ плоскимъ, слишкомъ низменнымъ, слишкомъ кропотливымъ: мѣсто строго-логическаго изслѣдованiя должна была занять генiальная интуицiя—проникновенiе въ тайны природы по наитiю, по чудесному вдохновенiю (мы видѣли примѣры такихъ догадокъ — то нелѣпыхъ, то, дѣйствительно генiальныхъ — у Шеллинга). Даже въ своей непосредственной области, въ поэзiи, романтики сдѣлали «безпорядокъ правиломъ и безформенность формою» своихъ произведенiй. И въ обыденной жизни свое великолѣпное, аристократическое, высоко розвитое «я» романтики поставили выше всѣхъ нормъ и законовъ. По ихъ понятiямъ, каждый изъ нихъ былъ «сверхъ-человѣкомъ», а нормы и законы существуютъ для различныхъ мелкихъ людишекъ, для филистеровъ. Самое плохое въ плохихъ романахъ Шлегеля было то, что та элементарная непорядочность, которую рисуютъ они, была не выдуманной, а списанной съ интимной жизни Шлегеля и его друзей. Правда, романтизмъ былъ отчасти естественной реакцiей

противъ дѣйствительнаго филистерства и педантизма, узкаго и сухого морализма, царившаго въ жизни среднихъ классовъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Борьба противъ подобныхъ условій велась однако исключительно во имя личности и ея интересовъ, а потому неизбѣжно и должна была дойти до тѣхъ уродливыхъ формъ, какія она приняла у романтиковъ.

Проповѣдь произвола какъ въ логикѣ, такъ и въ чувствѣ—плохая по своему воспитательному воздѣйствію проповѣдь, хотя по своему началу борьба за права личности могла казаться самой благодѣтельной: вѣдь провозглашалась она во имя уничтоженія тѣхъ оковъ, которыя совершенно пригнетали личность, держали ее въ рабской зависимости отъ домашняго и всякаго другого авторитета. Точно также, по началу, могла казаться вполнѣ благотворной и другая сторона дѣятельности романтиковъ. Вслѣдствіе своей прозаической разсудительности, вслѣдствіе отсуствія историческаго чутья вѣкъ «просвѣщенія» совершенно отрицательно относился къ средневѣковью, къ начальному періоду жизни германскаго народа. Романтики пробудили вкусъ именно къ этому періоду, они заставили народъ полюбить свои историческіе соборы, своихъ старыхъ мастеровъ живописи, свою народную поэзію, легенды и саги; они вызвали любовь къ исторіи родного народа, указали на необходимость считаться съ этой исторіей. Но, хватая вездѣ черезъ край, романтики впали въ преувеличенія и здѣсь. Какъ раціоналисты преуменьшили, такъ романтики преувеличили власть и значеніе историческихъ условій, потребовали преклоненія предъ старымъ только потому, что оно старо, изукрасили продуктами собственной фантазіи средневѣковье и давно отжившій средневѣковый строй стали выставлять какъ идеалъ. Получается довольно странное зрѣлище: защитники и проповѣдники не только свободы, но неограниченныхъ правъ и произвола личности увлекаются патріархальностью жизни, въ значительной степени выду-

манной ими, съ безпрекословнымъ подчиненіемъ традиціи и авторитету во всѣхъ сферахъ жизни,—увлекаются до того, что во множествѣ переходятъ изъ протестантизма въ католицизмъ, рисующійся имъ, какъ религія добраго стараго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти свободолюбцы, призывая назадъ, къ подкрашенной ими старинѣ, становятся вѣрнѣйшими союзниками, и часто вольными союзниками, начавшей разыгрываться послѣ войнъ за освобожденіе, реакціи.

Третій недостатокъ дѣятельности романтиковъ стоитъ въ извѣстной связи съ первымъ: эстетика была для нихъ высшею и главною цѣлью жизни, этика казалась чѣмъ-то шаблоннымъ, мелкимъ. Въ погонѣ за эстетикой считалось необходимымъ вносить романтизмъ и въ обыденную жизнь: Такъ полагалъ самымъ высшимъ и тонкимъ наслажденіемъ «облагораживать самыя обыденныя ощущенія и находить въ самой сухой прозѣ жизни самую чистую и прекрасную поэзію», другими словами, подмѣнить трезвое пониманіе истинныхъ житейскихъ отношеній произвольною игрой своей фантазіи, сознательно или безсознательно отстраниться отъ дѣйствительной жизни и жить постоянно въ мірѣ грезъ; быть однимъ изъ отвратительнѣйшихъ экземпляровъ высоко развитаго въ эстетическомъ отношеніи общественнаго трутня.

«Оглянемся вокругъ себя,—говоритъ Циглеръ,—и тогда окажется, что романтизмъ все еще царитъ среди насъ, и романтикомъ является всякій, кто, какъ Ницше, воздвигаетъ на пьедесталъ индивида и его геніальное «я», или, какъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, хочетъ снова перенести въ современный міръ средневѣковье, или соединяетъ вмѣстѣ несоединимое, какъ Зихардъ Вагнеръ соединилъ всѣ искусства, какъ Ницше—науку и искусство, какъ Людовикъ II Баварскій—искусство и жизнь, соединяетъ и заставляетъ вертѣться въ головокружительномъ вихрѣ. Указанныя три тенденціи,—хотя въ извѣстномъ отношеніи и противорѣчащія одна другой, подобно тому, какъ и вся романтика является противорѣчивымъ по существу обра-

денія́мъ,—захватываютъ, портятъ девятнадцатое столѣтіе отъ начала и до конца. И романтика проявляетъ свою силу не только тамъ, гдѣ она безраздѣльно господствуетъ, но и тамъ, гдѣ борются съ нею: побѣдить ее еще и до сихъ поръ не удалось».

Въ свое же время наибольшая сила романтизма заключалась въ томъ, что въ немъ особенно ярко выразилась общая характерная черта всѣхъ трехъ направленій (просвѣтительнаго, классическаго и романтическаго), именно индивидуализмъ. Какъ цѣлью «просвѣщенія» было освобожденіе *отдѣльнаго* индивида отъ оковъ вѣры и суевѣрія, обычая и авторитета,—почему и воспитаніе, нравственность, благополучіе понимались ими индивидуалистически; какъ индивидуалистическимъ былъ идеалъ классицизма, сводившійся къ тому, чтобы выработать изъ индивида прекрасно и гармонически развитую личность, такъ и романтики были виртуозами въ дѣлѣ саморазвитія и самоусовершенствованія личности. Но только все это они довели до крайнихъ предѣловъ, раздувши до каррикатуры права и произволъ отдѣльной личности. Каррикатура эта ясно различается теперь, но тогда она не замѣчалась. Наоборотъ, романтизмъ, попавъ въ тонъ общему индивидуалистическому настроенію эпохи, представлялся геніальнымъ и увлекательнымъ ученіемъ далеко не всѣмъ однако, такъ какъ на ряду съ отуманивающимъ ученіемъ романтиковъ, были и отрезвляющія вліянія подлинной жизни. Реальная дѣйствительность, отъ которой романтики желали уйти въ заоблачную высь, давала о себѣ знать, и иногда очень чувствительно, и толчки, подчасъ грубые толчки, дѣйствительной жизни, призывая людей на землю, воспитывали ихъ лучше, чѣмъ романтики. Тяжелыя жизненныя переживанія вырвали многихъ изъ заколдованнаго круга индивидуализма, сдѣлали общественными работниками, гражданами, заставили подумать о духовномъ возрожденіи родины, а не о личномъ самоусовершенствованіи и самоуслажденіи.

Къ разсмотрѣнію этихъ реальныхъ жизненныхъ условій мы и переходимъ теперь.

Глава II.

Воспитательное вліяніе общественныхъ и политическихъ условій германской жизни 1800—1830 гг.

Индивидуалистическія тенденціи особенно сильны были въ Германіи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка уже потому, что въ Германіи того времени не было необходимыхъ условій, способствующихъ объединенію жизни: начать съ того, что тогдашняя Германія совершенно не была государствомъ въ современномъ смыслѣ этого слова; затѣмъ, даже Фридрихъ, «первый слуга своего народа», не считалъ возможнымъ обращаться къ самодѣятельности народа, еще меньше были склонны къ этому мелкіе владѣтельные князья, а при такихъ условіяхъ не могло развиться государственнаго и гражданскаго сознанія. Были поклонники *личности* Фридриха Великаго (какъ были поклонники личности Наполеона), а не было приверженцевъ *идеи* государства. Большинство отличалось полнѣйшимъ политическимъ и общественнымъ индиферентизмомъ, занималось единственно доступными ему дѣлами—личными, и, если подымалось надъ среднимъ уровнемъ, то уходило въ сферу романтическаго самосовершенствованія. Покой обывателей на время нарушился вѣстями о французской революціи. Сперва широтою своего размаха она увлекла многихъ, но это увлеченіе быстро остыло, при первыхъ же проявленіяхъ террора. Въ общемъ, ея вліяніе оказалось мимолетнымъ и незначительнымъ, и попрежнему преобладающею чертой нѣмецкаго общества остался политическій индифферентизмъ. Гораздо болѣе чувствительнымъ толчкомъ для работы мысли наиболѣе сознательныхъ элементовъ послужилъ крайній гнетъ реакціи при недостойномъ преемникѣ Фридриха Великаго—Фридрихѣ Вильгельмѣ II. Но правленіе его

было очень краткимъ, и вступленіе на престолъ Фридриха Вильгельма III положило конецъ крайнему преслѣдованію всякой самостоятельной мысли. Личность новаго короля,—добродушнаго, но безвольнаго и безхарактернаго человѣка,—въ романтическихъ кругахъ, всегда склонныхъ ко всякаго рода преувеличеніямъ и самообману, крайне идеализировалась, отъ него ждали великихъ подвиговъ, возрожденія славы Пруссіи. А вмѣсто этого дѣйствительность принесла крайнее униженіе государства во время борьбы его съ Наполеономъ, позорную сдачу крѣпостей, разгромъ всей страны, а вмѣстѣ съ моральнымъ униженіемъ рядъ физическихъ и матеріальныхъ страданій. Но внутреннія переживанія, возникшія на почвѣ этихъ страданій, оказались благотворнымъ воспитательнымъ факторомъ. Возбуждая всеобщую ненависть противъ побѣдителя, они вмѣстѣ съ тѣмъ внушили желаніе возстановить къ жизни павшее государство. Но какое? Во время борьбы съ Наполеономъ пала Фридриховская Пруссія, и вотъ у дѣятелей новаго государства замѣчается нелюбовь къ Фридриху, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ «просвѣщенному деспотизму» и «просвѣщенію» вообще. По существу отношеніе это было несправедливо: была побѣждена вѣдь Пруссія не Фридриха, а его преемниковъ, державшихся прежней формы, буквы, и совершенно позабывшихъ духъ системы. И именно за счетъ Фридриха и эпохи просвѣщенія долженъ быть отнесенъ тотъ фактъ, что такъ чутко отозвалась Пруссія на постигшій ее ударъ. Лучшіе дѣятели возрожденной Пруссіи были, какъ указывалось уже, дѣтищами «просвѣщенія». Была все-таки доля правды въ утвержденіи этихъ людей: что нужно порвать съ принципами «просвѣщеннаго деспотизма». Но это не потому, что на принципахъ этихъ отразились просвѣтительныя идеи, а потому, что и другая сторона была въ нихъ: они отрицали всякую народную самодѣятельность, всякій духъ иниціативы. А для того, чтобы освободиться отъ Наполеона, нужно было именно побольше

иниціативы. При томъ настроеніи, какое, благодаря событіямъ, переживали тогда нѣмцы, они оказались легко доступными такимъ моральнымъ воздѣйствіямъ, къ которымъ оставались совершенно глухи раньше. Именно въ это время факторомъ великой воспитательной важности явилась идея Канта о категорическомъ императивѣ долга, формулированная имъ въ положеніи: «ты можешь, потому что ты долженъ». Можно спорить о научномъ достоинствѣ этой идеи, но, какъ моральная проповѣдь, она производила огромное и благотворное воздѣйствіе на современниковъ. Онъ далъ имъ то, чего не доставало людямъ эпохи просвѣщенія, съ ихъ безконечнымъ оптимизмомъ и мягкостью чувства, онъ влилъ желѣзо въ ихъ кровь!

И непосредственный преемникъ Канта—Фихте—сыгралъ въ то время также великую роль. Еще недавно космополитъ, онъ становится патріотомъ и націоналистомъ. Недавно еще онъ крайне скептически относился къ своимъ современникамъ, теперь съ вѣрой взываетъ къ ихъ лучшимъ чувствамъ, и эта вѣра оказывается небезосновательной. Его рѣчи, заклинанія не остаются безъ огромнаго вліянія на стараго и малаго, а та глубина, съ какой воспринимаются онѣ, свидѣтельствуетъ о крупныхъ нравственныхъ силахъ народа, казалось, поверженнаго въ прахъ. И съ церковной каѳедры, въ проповѣдяхъ Шлейермахера, раздаются подобные же призывы. Даже нечего говорить уже о Шиллерѣ, тоже вливавшаго мужество въ сердце своими заклинаніями, въ родѣ:

Ans Vaterland, ans teure, schliess dich an,
Das halte fest mit deinem ganzen Herzen,
Hier sind die starken Wurzeln deiner Kraft! [1])

За словами слѣдуютъ и дѣла. «Все для народа, но ничего посредствомъ народа», было девизомъ просвѣщен-

[1]) Не оставляй своей отчизны милой:
Всѣмъ сердцемъ, всей душой къ ней прилѣпись!
Въ ней твердый корень силъ твоихъ таится.
(Пер. Ѳ. Миллера).

наго *деспотизма*. Теперь раздается другой лозунгъ: высвобожденіе силъ народа, помощь посредствомъ самопомощи, при посредствѣ свободнаго, самоуправляющагося народа. Въ связи съ этимъ стоятъ гражданскія и политическія реформы, а также духовное возрожденіе Пруссіи. «Никогда не была она такъ велика, какъ въ эти дни паденія», восклицаетъ Циглеръ.

Чтобы сражаться, «какъ одинъ человѣкъ», за свой обычай и свою культуру, нуженъ былъ свободный и интеллигентный народъ. Въ тѣхъ же видахъ и государство должно было перестать быть машиной, и оно должно было стать одухотвореннымъ, интеллигентнымъ организмомъ. И въ тѣ времена Пруссія, дѣйствительно, стремилась стать государствомъ интеллигенціи. Уже лѣтомъ 1807 г. кто-то приписалъ Фридриху Вильгельму великолѣпныя, но, къ сожалѣнію, никогда не произнесенныя имъ слова: «Государство должно возмѣстить духовными силами то, что потеряно въ физическомъ отношеніи». Это были слова, выражавшія надежды и чаянія лучшей части общества. Величайшее же дѣло въ этомъ направленіи было совершено Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, счастливо доведшимъ въ эти дни до осуществленія идею основанія берлинскаго университета. Въ созданіи этого университета Гумбольдтъ видѣлъ великую національную, общегерманскую задачу.

Онъ писалъ королю: «Государство, какъ и частный человѣкъ, поступаетъ хорошо и разумно въ политическомъ отношеніи, если въ ту минуту, когда постигли его неблагопріятныя обстоятельства, напряжетъ всѣ свои силы, чтобы создать что-либо дѣйствительно благодѣтельное для будущаго и связать съ этимъ свое имя». Онъ мечталъ въ то время, когда часть Германіи опустошена войною, часть управляется чуждыми повелителями, объ основаніи «республики, какъ выражается онъ классическимъ терминомъ нѣмецкой науки, чтобы создать новую страсть, новый жаръ къ возрожденію Германскаго государства и крѣпчайшимъ образомъ связать съ нимъ все то, что

въ Германіи интересуется воспитаніемъ и просвѣщеніемъ».

Новый университетъ и былъ основанъ въ этомъ именно смыслѣ, являясь дѣйствительнымъ воплощеніемъ идеи о «солидарности Прусскаго государства и духовнаго воспитанія, идеи о томъ, что могущество Пруссіи дѣйствительно покоится на силѣ интеллигентности».

Заботы о просвѣщеніи не ограничились основаніемъ берлинскаго университета. Были преобразованы въ духѣ ново-гуманизма и нѣмецкія гимназіи, и какъ преобразованныя гимназіи, такъ и университетъ доставили главное ядро юношей-добровольцевъ, стекавшихся подъ знамена во время войнъ за освобожденіе въ 1813 и 1815 гг.

Но что было особенно важно это то, что и Гумбольдтъ, и Штейнъ сознали, что *весь* народъ долженъ быть воспитанъ къ самопомощи и самодѣятельности. Классическое образованіе, съ аристократизмомъ его односторонней филологіи, не могло, конечно, послужить хорошимъ средствомъ для этого, и съ тонкимъ чутьемъ оба названныхъ государственныхъ дѣятеля обратились именно туда, куда слѣдовало,—къ помощи Песталоцци.

Въ груди Песталоцци, подобно тому, какъ и въ груди Фихте, билась сильная общественная жилка. Но только теперь, во вторую половину вѣка, когда, какъ преобладающій тонъ жизни, начинаютъ все болѣе и болѣе заявлять себя общественныя чувства, распознана и понята эта сторона ученія Песталоцци. Тогда же видѣли въ немъ только спеціалиста, педагога, методъ котораго, говоря словами Штейна, «вызываетъ самодѣятельность духа, религіозныя и всѣ прочія благородныя чувства человѣка, развиваетъ жизнь идейную, уменьшаетъ склонность къ жизни низшихъ чувствъ и противодѣйствуетъ ей». А въ этомъ и видѣли цѣль воспитанія Штейнъ и Гумбольдтъ. Еще съ большимъ энтузіазмомъ говоритъ о цѣли воспитанія Фихте: «Воспитаніе духа ведетъ къ болѣе высокому патріотизму, вноситъ элементъ вѣчнаго въ представленіе

о земной жизни, уясняя роль отечества, какъ носителя этой вѣчности, и если дѣло идетъ о воспитаніи нѣмца, то воспитаніе должно укрѣпить въ немъ любовь къ нѣмецкому отечеству, какъ важнѣйшую составную часть его существа; а эта любовь сама собою создаетъ смѣлаго защитника отчизны и добросовѣстнаго, честнаго гражданина». Далѣе, воспитаніе должно довести до всесторонняго совершенства, до полной законченности всѣ способности человѣка и сдѣлать его способнымъ работникомъ для выполненія задачъ какъ настоящей минуты, такъ и вѣчныхъ задачъ жизни.

Но, чтобы добиться этой цѣли, нужно отказаться, по мнѣнію Фихте, отъ прежней механической системы воспитанія и обратиться къ методу, изобрѣтенному Песталоцци. Сущность этого метода сводится къ тому, чтобы возбудить и развить у воспитанниковъ свободную дѣятельность духа, пробудить ихъ мыслительныя способности. И къ этой хорошей цѣли, говоритъ Фихте, Песталоцци ведетъ хорошими средствами: онъ даетъ ученику непосредственно наблюдать предметы, даетъ такимъ образомъ уму живые образы и этими конкретными картинами запечатлѣваетъ въ душѣ дѣтей все, что изучаютъ они.

«Въ этомъ-то (развитіи самодѣятельности),—замѣчаетъ Циглеръ,—и заключалось все то, что нужно было тогда Пруссіи: пробужденіе и оживленіе всѣхъ силъ! Помощь путемъ самопомощи!» Это былъ истинный лозунгъ того времени, когда задача Пруссіи состояла въ томъ, чтобы «спасти отъ погибели опустившееся населеніе, спасти пробужденіемъ и укрѣпленіемъ его лучшихъ, истинно-человѣческихъ сторонъ».

Вотъ почему усвоеніе педагогическихъ идей Песталоцци и представлялось лучшимъ людямъ того времени такъ необходимымъ. Вотъ почему и выписывали въ Пруссію учениковъ Песталоцци или посылали къ нему учиться молодыхъ людей изъ Пруссіи. Побывавшіе у него возвращались назадъ исполненными энтузіазма и желанія при-

вить дома то, что далъ имъ великій педагогъ. Благодаря этому, сперва прусская, а затѣмъ и германская школа вообще проникаются духомъ Песталоцци. Возникаетъ даже мысль объ объединеніи однимъ принципомъ всей школьной системы Германіи, и этотъ принципъ, по мысли автора проекта новаго общаго прусскаго школьнаго устава, тайнаго совѣтника Сюверна, состоитъ въ томъ, чтобы уже съ малыхъ лѣтъ воспитывать молодежь въ духѣ солидарности, такъ какъ она готовится къ великой цѣли—служенію общему, цѣлому, благу родины. Но чтобы добиться этого объединенія и развитія духа солидарности, нужно отказаться отъ прежней системы регламентаціи дѣла предписаніями, строгими формами, отказаться отъ внесенія въ ходъ воспитательнаго дѣла однообразія хода машины. Прусское государство, говорилъ Сювернъ, основано не на мертвыхъ силахъ природы, а на живыхъ, способныхъ къ безконечному совершенствованію и развитію силахъ человѣчества.

«Прусское чиновничество того времени,—замѣчаетъ Циглеръ,—не боялось, подобно своимъ преемникамъ, живыхъ духовныхъ силъ, наоборотъ, оно само развязало ихъ, сняло съ нихъ оковы. И мощь этихъ силъ оживила Прусское государство и подняла его отъ пораженія и упадка къ высшей жизни!»

Но если даже чиновничество задумывалось надъ необходимостью измѣненія въ корнѣ прежней системы регламентаціи и опеки, то тѣмъ въ большей степени тѣ же думы должны были приходить людямъ, мысли и чувства которыхъ не были связаны служебною дисциплиной и зависимостью. Пробужденіе у частныхъ лицъ критическаго отношенія къ той или другой системѣ—фактъ, незадолго еще предъ тѣмъ невозможный въ жизни Пруссіи и возникшій подъ вліяніемъ тяжелыхъ испытаній наполеоновскихъ войнъ. До войны за освобожденіе въ Германіи, если не считать литературныхъ кружковъ, почти не было общественнаго мнѣнія. Война и пораженіе заставили за-

думаться надъ тѣми порядками, которые привели къ разгрому страны. Кромѣ того, вмѣстѣ съ паденіемъ Прусскаго государства пала и система полицейской опеки, каждый былъ предоставленъ своимъ силамъ, принужденъ опираться на собственную иниціативу. А когда вызванныя къ самодѣятельной жизни народныя силы оказались источникомъ возрожденія Пруссіи, поднятія даже внѣшняго ея престижа, и когда прежній обыватель, благодаря этому, созналъ свою силу и значеніе, то у него не было уже желанія возвратиться въ прежнее состояніе опекаемаго, дѣйствующаго только по указкѣ. Онъ позналъ прелесть самостоятельности мысли и дѣйствія, а потому, и по окончаніи войны, не думалъ отказаться отъ права имѣть и высказывать свои сужденія. Возникаетъ общественное мнѣніе, немыслимое въ Пруссіи стараго порядка, возникаетъ политическая пресса, какъ выразительница и руководительница общественнаго мнѣнія, эта новая сила, играющая съ той поры роль важнаго воспитательнаго фактора въ жизни Германіи.

Критика народившагося общественнаго мнѣнія направилась какъ противъ хроническихъ, такъ и противъ текущихъ ненормальностей въ германской жизни. Хроническими недостатками ея были: отсутствіе единаго государства въ Германіи и отсутствіе правъ самодѣятельности, иниціативы у населенія. Но на ряду съ этимъ общественное мнѣніе волновалось и злобами дня: побѣды прусскаго оружія далеко не принесли, вслѣдствіе неумѣлости дипломатіи, ожидаемыхъ для государства выгодъ; владѣтельные князья не выполнили своихъ обѣщаній: еще въ южно-германскихъ государствахъ кое-что было сдѣлано, но въ Австріи и Пруссіи, по настояніямъ Меттерниха, самымъ откровеннымъ образомъ были нарушены всѣ обѣщанія и отвергнуты самыя вѣрноподданическія и скромныя петиціи. Все это возбуждаетъ недовольство, и недовольство получаетъ тѣмъ болѣе широкое распространеніе въ народѣ, что за тяжелыми годами войны

послѣдовали тяжкіе годы неурожая. Но выразителями недовольства явились не наиболѣе пострадавшія—крестьянство и бюргерство, а нѣмецкіе университеты: нѣкоторые профессора и въ особенности студенчество.

Наряду со студентами и университетомъ опалѣ подверглась также партія либераловъ. Источникъ ученій этой группы нужно искать еще въ эпохѣ просвѣщенія, но созрѣла въ партію она именно теперь, подъ вліяніемъ условій времени. Не только по источнику своихъ ученій, но и по всѣмъ своимъ политическимъ воззрѣніямъ либералы представляли полную противоположность романтикамъ, почти такую же, какъ наши русскіе западники—славянофиламъ.

Сперва мечты и вожделѣнія либераловъ были очень умѣренны, но чѣмъ больше разыгрывалась реакція, чѣмъ больше подавлялась пресса, чѣмъ ожесточеннѣе велись преслѣдованія либераловъ, тѣмъ радикальнѣе становились послѣдніе.

Трудно дышалось дома, но за границей происходили различныя событія, могшія питать надежды либераловъ. Они и слѣдятъ за ними съ жаднымъ вниманіемъ. Особенно же находили они источники вдохновенія въ разгорѣвшемся тогда возстаніи грековъ. А въ связи съ симпатіями, возбужденными дѣломъ грековъ, стоитъ пробужденіе и въ гимназіяхъ интереса къ греческому языку и литературѣ, къ греческому міру вообще. Одно время греческій языкъ является не орудіемъ гимнастики ума, но предметомъ животрепещущаго интереса. Воспоминанія о Ѳермопилахъ, о Мараѳонѣ были воспоминаніями о подвигахъ родного, близкаго народа, воспоминаніями, доказывающими доблесть народа и обязывающими его къ такимъ же подвигамъ и въ настоящемъ. А если эти подвиги совершаетъ народъ, которому мы сочувствуемъ, то и мы, сочувствующіе, совершимъ ихъ также,—такое заключеніе, конечно, ужъ само собою возникало въ умахъ всѣхъ тогдашнихъ поклонниковъ греческаго міра.

Но либералы встрѣчали противодѣйствіе не только со стороны администраціи, но и со стороны извѣстной части общества: либеральной договорной идеѣ государства, не научной, конечно, но рисовавшей идеалъ и звавшей къ нему, противопоставлено было романтическое ученіе о государствѣ, ученіе реакціонное по существу, проповѣдывалось ли оно сомнительною личностью и политическимъ хамелеономъ, въ родѣ извѣстнаго въ свое время Генца, или серіозными учеными, съ Савиньи во главѣ. Новое ученіе является непосредственнымъ продуктомъ жизни. Прежде въ Германіи были лишь различныя непріятныя административныя вмѣшательства въ частную жизнь, но почти не было положительной работы государства. Въ связи съ этимъ и стоитъ отрицательное, почти анархическое отношеніе къ государству такихъ людей, какъ Шиллеръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ въ юношескій періодъ его жизни. Теперь же государство постепенно крѣпнетъ, постепенно переходитъ къ положительной работѣ, и увлекающіеся романтики провозглашаютъ на своемъ пышномъ языкѣ, что государство не есть «учрежденіе принудительное, страховое или купеческое товарищество», не средство для достиженія тѣхъ или иныхъ удобствъ для обывателей, нѣтъ, оно цѣль само по себѣ, оно «тѣсное соединеніе всего физическаго и духовнаго богатства, всей внутренней и внѣшней жизни націи въ одно великое энергичное, безконечно подвижное и живое цѣлое» (слова Ад. Мюллера).

Наиболѣе популярнымъ теоретикомъ романтическаго взгляда на государство,—теоретикомъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе не только на публику, но и на прусскаго кронпринца, будущаго прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV, былъ К. Л. фонъ-Галлеръ. «Уже предисловіе къ его труду, говоритъ Циглеръ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что предъ нами романтикъ. Но совершенно непонятно, какъ подобный писатель могъ производить впечатлѣніе и имѣть вліяніе: то поэтически,

высокимъ слогомъ пророка, то плаксиво-сантиментально, но всегда елейно говоритъ этотъ человѣкъ о государствѣ и исторіи. Отказываясь отъ теоріи искусственнаго гражданскаго строя, покоящагося на договорѣ, онъ возвращается къ теоріи естественнаго состоянія, совпадающаго для него съ божественнымъ порядкомъ».

Если теоріи эти въ то время увлекали многихъ, то у другихъ—и не только у либераловъ — вызывали рѣзкое осужденіе. Одно изъ наиболѣе рѣзкихъ сужденій о книгѣ Галлера принадлежитъ Гегелю, этому «королевскому прусскому государственному философу», какъ саркастически называли его противники.

Гегель такъ же, какъ и романтики, былъ поклонникомъ государства, но преклоненіе предъ государствомъ онъ заимствовалъ не отъ романтиковъ, а изъ античнаго міросозерцанія съ его глубочайшимъ уваженіемъ къ закону. И если Гегеля возмущали теоретики «просвѣщенія», то не менѣе возмущала романтическая проповѣдь произвола, перенесенная романтиками и въ теорію государственнаго права.

Романтики изгоняли отовсюду разумъ и законъ, замѣняя ихъ господство—господствомъ чувства, каприза, произвола. Для Гегеля же во всемъ и вездѣ сказывается господство разума и закона. «Уже въ предисловіи къ его философіи права, говоритъ Циглеръ, заключается знаменитое и пользующееся сомнительною славой положеніе: «что разумно—дѣйствительно, и что дѣйствительно — разумно». А то, что было въ то время дѣйствительностью въ Пруссіи, было очень часто неразумно, и такимъ образомъ Гегель, какъ хвалитель дѣйствительности, самъ могъ стать реакціонеромъ. И нельзя отрицать, что онъ не вполнѣ избѣгъ этого искушенія... Но кто вздумалъ бы обвинять Гегеля въ консерватизмѣ и квіетизмѣ,—какъ человѣка, огуломъ объявляющаго разумнымъ все дѣйствительное только потому, что оно существуетъ, и смотрящаго поэтому на дѣйствительное, какъ на достойное сохраненія,—тотъ забылъ бы, что слова Гегеля являются

палкой о двухъ концахъ: *только* разумное для него дѣйствительно, разумностью измѣряется правоспособность существованія, и разумъ долженъ подвергнуть все критикѣ и указать на недѣйствительность, ничтожность и недостойность всего неразумнаго въ государствѣ и исторіи. Въ этомъ—прогрессивная сторона гегелевской философіи».

Задачей своего ученія Гегель поставилъ объединеніе двухъ моментовъ—авторитета и свободы. Но это—безконечно трудная задача, и Гегелю не удалось осуществить ее. Это видно изъ распаденія его школы на двѣ фракціи: консервативно - реакціонную и радикальную, партію дѣйствительнаго и историческаго съ одной стороны, разумнаго и философскаго—съ другой.

Много схоластики и формализма было въ гегелевской философіи съ «тройнымъ тактомъ» (тріадой, какъ говорятъ у насъ) ея діалектическаго метода. (Формула эта, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что за каждымъ даннымъ положеніемъ должно послѣдовать отрицаніе его, завершающееся затѣмъ развитіемъ высшаго, въ которомъ примиряются лучшія стороны двухъ предыдущихъ стадій.) Но есть одинъ элементъ въ этомъ ученіи, который навсегда останется его неумирающей заслугой: это—блестящее установленіе *закона развитія*, примѣненіе его къ различнымъ сферамъ жизни природы и, особенно, жизни человѣка. Какъ система, какъ школа, философія Гегеля пала, но это паденіе системы только освободило отъ давящихъ оковъ самый духъ ея, идею развитія, одну изъ плодотворнѣйшихъ идей, какой вообще можетъ гордиться нашъ вѣкъ. Только постепенно завоевываетъ она всеобщее признаніе, кладется въ основу всѣхъ отраслей науки, и однимъ изъ лучшихъ воспитательныхъ завѣтовъ, какой будетъ переданъ отходящимъ вѣкомъ наступающему, будетъ требованіе того, чтобы сознательное усвоеніе этой идеи, проникновеніе ею стало одной изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія.

Глава III.

Измѣненіе общественнаго строя мыслей въ періодъ 1830—1848 гг.

Разыгравшаяся въ 1830 г. во Франціи іюльская революція не имѣла непосредственнаго вліянія на Германію, но она придала другой тонъ нѣмецкой жизни. Отголоски ея сказались между прочимъ въ рѣчахъ, произносившихся на собраніяхъ и съѣздахъ, особенно на Гамбахскомъ празднествѣ 27 мая 1832 г., гдѣ южно-германскіе либералы, съ печальными послѣдствіями лично для себя, дали волю своему языку. Какая разница между этимъ празднествомъ и Вартбургскимъ торжествомъ 1817 г., когда, какъ упоминалось уже, студенты праздновали Лютерову годовщину. «На Вартбургскомъ празднествѣ 1817 г., говоритъ Циглеръ, все еще звучало не отъ міра сего. Тогда еще романтически мечтали о единствѣ и свободѣ, тогда съ празднества направлялись въ церковь и къ причастію, тогда еще юношески развѣвались русые локоны и большіе бѣлые воротники почти дѣвственно-цѣломудренно ложились на черный бархатъ старо-германскихъ кафтановъ: христіанско-германской романтикѣ принадлежало тогда руководящее слово». На Гамбахскомъ торжествѣ звучали грубыя и гнѣвныя рѣчи демократовъ, взывавшихъ къ реальнымъ силамъ народа, говорившихъ о его пробужденіи и возмущеніи.

Но пока все ограничивалось однѣми рѣчами. Годы 1830—1848 были годами *идейной* подготовки, годами *воспитанія въ новомъ строѣ мыслей* подъ вліяніемъ, во-первыхъ, литературной дѣятельности «молодой Германіи», во-вторыхъ, религіознаго движенія, вызваннаго богословами гегелевской школы, и, въ-третьихъ, политики Фридриха-Вильгельма IV.

Родоначальниками «молодой Германіи» съ полнымъ правомъ могутъ считаться два человѣка: Бёрне и Гейне.

Бёрне былъ писателемъ политическимъ по преимуществу. Единство и свобода отечества были руководящими тенденціями всѣхъ его писаній. «Бёрне, сказалъ о немъ Гейне, былъ патріотъ до мозга костей и отечество было его единственною любовью». Но писать открыто на единственно интересовавшую его тему Бёрне не могъ по тяжелымъ цензурнымъ условіямъ того времени, и онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ не былъ и не хотѣлъ быть,— литературнымъ критикомъ. Онъ сталъ имъ съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать «художественную критику органомъ публицистики» и вліять такимъ образомъ на политическую жизнь, на національное чувство нѣмецкаго народа, или, какъ онъ самъ выражался, «сдѣлать литературу посредницей жизни». Безподобно владѣя орудіемъ насмѣшки, блестящій стилистъ, онъ научилъ нѣмецкую публику читать между строкъ, понимать по косвеннымъ намекамъ то, чего нельзя было высказать прямо. Такъ какъ обо всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ ему приходилось судить исключительно съ точки зрѣнія опредѣленнаго политическаго масштаба, то это неизбѣжно приводило Бёрне къ односторонности, иногда и несправедливости оцѣнокъ (вспомнимъ хотя бы отзывы Бёрне о Гёте). Но именно рѣзко выраженная тенденціозность произведеній Бёрне и сдѣлала его духовнымъ вождемъ «молодой Германіи».

Цѣльнымъ, непоколебимо вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ оставался Бёрне всю свою жизнь. Всего меньше можно сказать тоже о Гейне, одномъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ лириковъ. Первыя произведенія поэта носятъ рѣзко выраженную романтическую окраску. «А если романтика, замѣчаетъ Ц., принимаетъ у него специфическую форму міровой скорби, то это вліяніе времени и свидѣтельство паденія романтики. Но даже у лорда Байрона, въ этомъ отношеніи образца Гейне и человѣка, вообще характернаго для настроенія времени, эта «міровая скорбь» была скорбью не столько о мірѣ, сколько о собственномъ нѣжномъ и мягкомъ «я». Какъ и всѣ романтики, и эти по-

эты міровой скорби не могли отдѣлаться отъ того, чтобы не возиться съ самими собой».

Но, отдавши дань романтизму, Гейне обратилъ затѣмъ противъ него всю силу своей ироніи, и, побѣдивши сперва въ самомъ себѣ романтическое настроеніе, сталъ опаснѣйшимъ антиромантикомъ, побѣдоноснымъ борцомъ противъ романтики вообще. И, поскольку онъ способствовалъ отвращенію мысли нѣмецкаго народа отъ сантиментализма міровой скорби къ яснымъ и трезвымъ требованіямъ подлинной жизни, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ его воспитателей.

Не только въ этомъ сказывалось вліяніе Гейне на современниковъ. Одно время, плечо къ плечу вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ Бёрне, къ которому такъ несправедливо и жестко относился онъ позже, борется онъ за однѣ и тѣ же идеи, противъ однѣхъ и тѣхъ же ненормальностей въ германской жизни. А когда указомъ 1835 г. были запрещены всѣ произведенія Гейне, какъ напечатанныя уже, такъ и имѣющія еще появиться въ печати, то это прибавило лишь масла въ огонь, превратило въ жгучій сарказмъ его мягкую прежде насмѣшку.

Есть и другія стороны у Гейне, представлявшаго собою «талантъ, но не характеръ». «Но въ нашу задачу, скажемъ словами Циглера, не входитъ судъ надъ человѣкомъ. Намъ нужно лишь отдать себѣ отчетъ въ значеніи Гейне для духовной жизни нѣмецкаго народа, а значенія этого нельзя преувеличить. Только романтикъ могъ убить романтику, только такой фривольный человѣкъ могъ безпощадно выставить на свѣтъ Божій всю ея фривольность. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ это съ необычайною граціозностью и остроуміемъ, то онъ сталъ опаснѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ врагомъ романтизма».

Вокругъ этихъ-то двухъ литературныхъ дѣятелей, Бёрне и Гейне, и группируется «молодая Германія». Совершенно обратно романтикамъ, поэтизировавшимъ жизнь, все превращавшимъ въ какую-то игру, ко всему относив-

шимся иронически, поэты «молодой Германіи» сдѣлали изъ поэзіи серьезное дѣло, отдали ее на служеніе жизни и злобѣ дня. Большинство представителей этого направленія—тенденціозные писатели и журналисты, облекавшіе свои передовыя статьи,—сообразно съ духомъ той, все еще литературной по преимуществу эпохи,—въ форму драмы и романа. Поэтическимъ даромъ большинство «молодежи» не обладало, и не въ поэтическихъ достоинствахъ значеніе ихъ произведеній. Благодаря сильному вліянію Гейне, и они стали антиромантиками, реалистами, искавшими дѣйствительности и жизни и ненавидѣвшими все неестественное. По своимъ политическимъ симпатіямъ они были либералами, противниками меттерниховской системы.

Многое въ романахъ писателей изъ среды молодой Германіи (наиболѣе вліятельными изъ нихъ были Гуцковъ и Лаубе) можетъ показаться намъ теперь фразой и позой. «Но и эта неестественность, говоритъ Циглеръ, была реалистической въ духѣ того времени, когда и въ жизни нерѣдко фраза подавляла дѣло, и поза замѣняла серьезность дѣйствія. Еще въ большей степени относится это къ театральнымъ пьесамъ молодой Германіи: это были тенденціозныя произведенія, съ изобиліемъ сильныхъ словъ, съ персонажами, которые больше декламировали, чѣмъ чувствовали или дѣйствовали. Всего ярче и, несмотря на всю риторику, всего поэтичнѣе тенденціи школы выразились въ гуцковскомъ «Уріель-Акостѣ». Свободолюбивыя требованія времени выражены здѣсь съ силою паѳоса, нигдѣ не переходящаго въ пустую фразу».

Произведенія молодой Германіи навлекли на себя гнѣвъ франкфуртскаго сейма, въ то время единственнаго центральнаго органа нѣмецкихъ государствъ, признавшаго эту «дурную литературу противохристіанской, богохульной, намѣренно попирающей ногами добрые нравы, стыдъ и благопристойность» и запретившаго все, въ томъ числѣ «также и имѣющія быть изданными» сочиненія Гуцкова,

Винбарга, Лаубе, Мундта и Гейне. Гуцковъ на короткое время былъ посаженъ въ тюрьму, Лаубе подвергнутъ аресту. Всѣ эти насильственныя мѣропріятія очень возмущали общество, а на молодыхъ писателей произвели лишь то дѣйствіе, что сдѣлали ихъ болѣе крайними и въ своихъ мнѣніяхъ, и въ выраженіяхъ.

Не меньшее вліяніе, чѣмъ новая литературная школа, имѣло богословское движеніе, начатое Давидомъ Фридрихомъ Штраусомъ. Автора «Жизни Іисуса» часто представляютъ крайнимъ разрушителемъ, какимъ онъ въ дѣйствительности не былъ. Многіе дѣятели эпохи просвѣщенія были въ религіозныхъ вопросахъ далеко радикальнѣе Штрауса: они провозглашали намѣреннымъ обманомъ то, въ чемъ Штраусъ видѣлъ лишь мифы, не выдумки обманщиковъ, но созданія безсознательно творящей фантазіи вѣрующей общины. Тамъ, гдѣ писатели «просвѣщенія» ограничивались лишь догматическимъ отрицаніемъ, Штраусъ пустилъ въ ходъ громаднѣйшую богословскую эрудицію. Онъ далеко не отрицалъ всего, наоборотъ, многое вышло подтвержденнымъ, выдержавъ его критику. Но правда, однако, то, что онъ призналъ многое мифическимъ.

Едва ли какая-либо другая книга произвела столь потрясающее впечатлѣніе, какъ «Жизнь Іисуса». Автора прокричали безбожникомъ, дерзко посягнувшимъ на все святое, на него нападали съ пѣной у рта, а это, конечно, вредило серьезности возраженій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Штраусъ былъ уволенъ отъ казенной должности, которую онъ занималъ. Но этимъ не кончились его злоключенія. Прирожденный богословъ, онъ былъ приглашенъ на профессорскую кафедру въ Цюрихѣ, но населеніе, подъ вліяніемъ агитаціи клерикаловъ, добилось его увольненія. Въ Германіи, конечно, были закрыты для него двери всѣхъ университетовъ. Подъ вліяніемъ рѣзкихъ, преслѣдованій Штраусъ и самъ становился болѣе рѣзкимъ и въ своемъ сочиненіи «О христіанскомъ вѣроученіи»

высказывается уже противъ всей христіанской догматики и рветъ всякую связь между наукой и вѣрой, связь, которую хотѣлъ было закрѣпить учитель Штрауса—Гегель «Пусть люди вѣры и науки, писалъ онъ, предоставятъ другъ другу спокойно идти своею дорогой».

Книги Штрауса пріучили ко многому нѣмецкую публику, и когда вышла въ свѣтъ еще болѣе крайняя книга, именно *Фейербаха*, то хотя она и возбудила цѣлую бурю, но далеко ужъ не столь сильную, какъ первая книга Штрауса. Источники религіи Фейербахъ искалъ въ сущности человѣческой природы, въ ея стремленіи къ благополучію. Всѣ божества всѣхъ религій являются для него отраженіемъ людей, ихъ идеалами, олицетвореніемъ ихъ лучшихъ желаній.

Но Фейербахъ не ограничивался однимъ разрушеніемъ. Онъ сдѣлалъ попытку пересозданія этики на новомъ основаніи. Онъ хотѣлъ построить ее на отношеніяхъ къ человѣчеству, именно всему человѣчеству. Эгоистическія стремленія къ счастью, училъ онъ, должны находить ограниченія въ принципѣ «туизма» (альтруизма, по современной терминологіи), въ признаніи интересовъ общества, по отношенію къ которому на каждомъ отдѣльномъ индивидѣ лежатъ опредѣленныя обязанности.

Фейербахъ, какъ извѣстно, является также однимъ изъ выдающихся представителей германскаго матеріализма. Но матеріализмъ былъ для него лишь «фундаментомъ зданія человѣческаго существованія и знанія», главное же значеніе имѣлъ «міръ идей и твореній фантазіи». Его знаменитая фраза—«человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ», согласно всему духу его ученія, должна пониматься не въ узко-матеріалистическомъ, а въ соціологическомъ смыслѣ. Въ ней заключается *зародышъ ученія о средѣ*. Фейербахъ указывалъ, однако, лишь на дурное вліяніе среды, на возникновеніе на почвѣ нужды преступности и безнравственности.

Если принять во вниманіе, что у Фейербаха религіоз-

ное свободомысліе соединялось съ политическимъ радикализмомъ, то, говоритъ Циглеръ, его положеніе въ духовной жизни 40-хъ годовъ гораздо въ большей степени, чѣмъ положеніе Штрауса, напоминаетъ роль энциклопедистовъ предъ началомъ французской революціи.

Совершенно неосновательно было бы однако думать, что все нѣмецкое общество сороковыхъ годовъ увлекалось Штраусомъ и Фейербахомъ. Штраусъ имѣлъ громадное вліяніе на нѣмецкую богословскую науку, далъ въ руки либераловъ сильное орудіе для борьбы съ теологическими и даже политическими ученіями романтизма, но большая часть населенія оставалась внѣ его воздѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тогдашней церкви, какъ протестантской, такъ и католической, далеко не замѣчается упадка. Протестанты устраиваютъ «внутреннія миссіи» для того, чтобы «снова открыть вліянію Евангелія тѣ области, которыя ускользнули изъ-подъ его воздѣйствія, возбуждать къ дѣламъ христіанскаго благотворенія, дать единство изолированнымъ стремленіямъ этого рода, помочь имъ совѣтомъ и дѣломъ». Миссіи принесли несомнѣнную пользу устройствомъ цѣлаго ряда благотворительныхъ учрежденій, но, внеся въ дѣло религіозную исключительность и нетерпимость, онѣ, говоря словами одного нѣмецкаго писателя, влили въ свое дѣло «много уксуса», чѣмъ и сдѣлали все теченіе «внутреннихъ миссій» подозрительнымъ и антипатичнымъ въ глазахъ всѣхъ свободомыслящихъ нѣмцевъ. Еще больше оживленія, чѣмъ въ протестантской церкви, замѣчается въ церкви католической, стремившейся въ это время вернуть себѣ во всей Европѣ ту силу и значеніе, какія она утратила во время французской революціи и Наполеона.

Въ Германіи, какъ указывалось уже, католицизмъ имѣлъ дѣятельныхъ поборниковъ въ лицѣ романтиковъ, съ ихъ культомъ средневѣковья. Романтики не довольствовались преклоненіемъ предъ красотой и художественною внѣшностью католическаго культа. Они дѣлили и всѣ суевѣ-

рія темнаго католическаго люда вплоть до вѣры въ различныхъ ясновидящихъ включительно. Но не одни добровольцы изъ романтиковъ играли на руку католиковъ. Послѣдніе нашли вольныхъ и невольныхъ помощниковъ и въ правящихъ кругахъ Германіи. А когда окрѣпшее папство начало въ Германіи борьбу съ католическими священниками, возставшими противъ догмата безбрачія, и съ учеными профессорами, отдавшими той же католической церкви и огромныя дарованія, и выдающуюся эрудицію, но старавшимися примирить науку и религію, — представители отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ то дѣлали очень неловкіе дипломатическіе шаги, то совершали крайнія уступки папскимъ требованіямъ. Благодаря всему этому, католическая церковь въ Германіи чувствовала подъ своими ногами все болѣе твердую почву и становилась все болѣе нетерпимой, «воинствующею церковью». А при ея стремленіи къ свѣтской власти у нея неизбѣжно должны были возникнуть столкновенія съ властью государственною, особенно въ сильнѣйшемъ изъ нѣмецкихъ государствъ—въ прусскомъ. Правительству нужна была твердость и система, чтобы съ успѣхомъ выйти изъ борьбы съ католическою церковью. Но именно полнымъ отсутствіемъ системы, полною безпринципностью отличалось правленіе Фридриха Вильгельма IV, вступившаго на престолъ, когда разыгрался первый серьезный конфликтъ съ католическою церковью изъ-за вопроса о смѣшанныхъ бракахъ. И неустойчивость, шатаніе политики Фридриха-Вильгельма оказались для него роковымъ не только при столкновеніи его съ католическою церковью, но также и въ другихъ вопросахъ, представляющихъ для насъ гораздо большій интересъ. А между тѣмъ при вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма IV этого «романтика на тронѣ цезарей» на него возлагали массу надеждъ. Всѣ эти надежды основывались, впрочемъ, почти исключительно на счастливыхъ внѣшнихъ дарованіяхъ новаго короля. «Въ противоположность скупому на слова и простоватому предшественнику своему,

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, говоритъ Циглеръ, былъ ораторомъ, говорившимъ охотно и много, хорошо и свободно, богато одареннымъ человѣкомъ, исполненнымъ остроумія и фантазіи».

Но люди, строящіе свои расчеты не на красивыхъ словахъ, а на объективныхъ фактахъ, могли бы и тогда уже указать на то, что, еще въ бытность свою кронпринцемъ, Фридрихъ-Вильгельмъ выказывалъ себя въ совершенно опредѣленномъ, притомъ далеко не прогрессивномъ направленіи. Онъ дѣлалъ все, чтобы помочь господству въ церкви и университетахъ строго-ортодоксальному теченію и чтобы держать по возможности дальше отъ вліятельныхъ постовъ приверженцевъ Гегеля и Шлейермахера.

Въ одномъ только пунктѣ его романтика совпадала съ настроеніемъ либераловъ, и это приводило въ заблужденіе народъ, внушало мечты о возможности либеральной реформы: онъ питалъ отвращеніе къ бюрократіи, очень рѣзко отзывался о ней. Многіе были склонны считать всѣ эти заявленія свободолюбивыми. Но «бюрократическій строй полицейскаго и правового государства былъ ненавистенъ королю, потому что онъ былъ *ему* неудобенъ, *его* связывалъ опредѣленными формами и законами». Онъ имѣлъ неизмѣримо высокое, почти мистическое представленіе о своемъ королевскомъ значеніи. «Есть вещи, говорилъ онъ своему другу Бунзену, которыя можно знать, лишь будучи королемъ, которыхъ я не зналъ самъ, когда былъ кронпринцемъ, и позналъ, лишь ставши королемъ».

У Фридриха была колеблющаяся натура, и это отразилось на ходѣ государственнаго корабля. Не по прямому направленію, а зигзагами движется онъ впередъ. А это отнимало у народа чувство прочности и постоянства и гнало въ ряды оппозиціи даже лояльныхъ людей. Вначалѣ король хотѣлъ оказать довѣріе своему народу и дать ему свободу печати. Но онъ быстро былъ выведенъ изъ себя оппозиціоннымъ настроеніемъ прессы, выходками противъ собственной особы, не захотѣлъ терпѣть свободы слова, и

цензура начала работать съ удвоеннымъ усердіемъ. Литература опять вернулась къ «эзоповскому языку», причемъ особенную ловкость и остроуміе въ этомъ отношеніи проявилъ Д. Фр. Штраусъ въ своемъ сочиненіи «Юліанъ Богоотступникъ, романтикъ на тронѣ цезарей».

Чѣмъ дальше, тѣмъ все нетерпимѣе становился король. При назначеніи на церковныя и школьныя должности, на профессорскія мѣста, стали руководиться не научными заслугами человѣка, а часто личными соображеніями, вопросомъ о его «направленіи». Устраняются, по возможности, всѣ гегельянцы. Вызываетъ недовѣрчивое отношеніе къ себѣ и классицизмъ: греческіе и римскіе классики были вѣдь язычниками, и министерство народнаго просвѣщенія (оно же и культа) разражается негодованіемъ противъ «невѣрія» гимназическихъ филологовъ.

Въ 1846 году король былъ очень разсерженъ празднованіемъ столѣтней годовщины рожденія Песталоцци, «такъ какъ въ этомъ празднествѣ, говоритъ Циглеръ, особенно ярко сказались просвѣтительныя стремленія учителей, ихъ законная гордость тѣмъ, что уже достигнуто въ этомъ отношеніи. Заслуженный директоръ семинаріи Дистервегъ, которому король высказалъ свое неудовольствіе по этому поводу, былъ удаленъ (въ 1847 г.) отъ должности, какъ вождь этого прогрессивнаго сословія».

Романтикъ и въ вопросахъ религіи, мечтавшій объ учрежденіи особаго епископства въ Іерусалимѣ, сторонникъ епископскаго управленія, подъ высокимъ королевскимъ протекторатомъ, и противникъ синодовъ, въ которыхъ ему чудились черты ненавистнаго ему парламентаризма, Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ склоненъ къ большимъ уступкамъ въ пользу католицизма. Въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ онъ въ концѣ концовъ уступилъ папѣ. Но что было еще важнѣе для умственной жизни Германіи —это учрежденіе имъ особаго католическаго отдѣла при министерствѣ культа. Это открыло двери католической пропагандѣ и очень скоро сказалось проявле-

ніемъ очень сильнаго клерикальнаго вліянія на постановку дѣла народнаго образованія, начиная отъ высшаго и до низшаго.

Вѣчныя колебанія въ поведеніи короля, его ложные шаги и во внутренней, и во внѣшней политикѣ вызывали общее неудовольствіе въ Германіи.

Все это, въ связи съ вліяніемъ февральскихъ волненій въ Парижѣ (въ 1848 г.), привело къ событіямъ марта 1848 года. Въ нашу задачу не входитъ описаніе этихъ событій.

Интересно, однако, отмѣтить проявившіяся въ 1848 году стремленія къ школьной реформѣ. На ряду съ выраженіемъ требованій свободы науки и преподаванія, устройства надлежащаго количества учебныхъ заведеній, обязательности обученія шли оживленные толки о преобразованіи школы. Особенно любопытны высказывавшіяся въ то время идеи о реформѣ средней школы. На Лейпцигскомъ учительскомъ собраніи въ іюлѣ 1848 г. было принято предложеніе саксонскаго директора гимназіи Кöхли, чтобы вмѣсто латинскаго языка центральнымъ предметомъ въ гимназіи былъ сдѣланъ родной языкъ, вокругъ котораго и должны группироваться остальные предметы математика и естествознаніе—съ одной стороны, историко-этическія дисциплины—съ другой. Высказывались также пожеланія, чтобы изученіе древнихъ языковъ начиналось не ранѣе 14-лѣтняго возраста и чтобы учениковъ не заставляли, какъ это практиковалось въ то время, говорить и писать сочиненія по-латыни.

О движеніи среди народныхъ учителей мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]), почему теперь останавливаться на этомъ не будемъ.

Представители университета требовали уничтоженія вмѣшательства въ университетскую жизнь кураторовъ (попечителей), находя, что подобное вмѣшательство несовмѣстимо съ корпоративною самостоятельностью университета.

---

[1]) „Германскій учительскій союзъ". „Вѣстн. Воспит.", 1899 года, IV.

По многимъ причинамъ въ свое время всѣ эти требованія къ непосредственнымъ результатамъ не привели.

Глава IV.

Школа, литература, наука и общество въ 50-е и 60-е годы.

За весной 1848 года послѣдовали долгіе годы, когда главнымъ стремленіемъ нѣмецкаго правительства явилось, говоря картиннымъ выраженіемъ Фридриха-Вильгельма IV, «удаленіе изъ нѣмецкаго государственнаго строя демократической грязи года позора». Въ первую голову реакція обрушилась на школу. Лучшее средство для обузданія школы видѣли въ томъ, чтобы отдать ее въ безконтрольное распоряженіе церкви католическаго и протестантскаго вѣроисповѣданія. Лично Фридриху-Вильгельму IV особенно были ненавистны директора учительскихъ семинарій (онъ имѣлъ нѣкоторое, правда, далеко не соотвѣтствующее истинѣ, представленіе о дѣятельности директора семинаріи *Дистервега*). Онъ считалъ ихъ главными виновниками событій 1848 года. Одно время поэтому поговаривали о полномъ уничтоженіи учительскихъ семинарій, и, чтобы совершенно «упростить» дѣло учительской подготовки, мечтали о передачѣ его въ руки сельскаго духовенства. Но какъ ни реакціоненъ былъ тогдашній министръ культа *Раумеръ*, онъ не рѣшился на такой шагъ и предпочелъ прикрытый путь: онъ поручилъ своему помощнику тайному совѣтнику *Штилю* добиться желанныхъ результатовъ безъ рѣзкой ломки съ прошлымъ. Это и послужило толчкомъ къ изданію трехъ «регулятивовъ» 1854 года.

Въ недавно вышедшей брошюрѣ о Фр. Диттесѣ [1]), написанной Альбертомъ *Гертомъ*, директоромъ школъ въ Кенигсбергѣ, этотъ авторъ, на основаніи личныхъ воспоминаній, даетъ очень обстоятельную картину жизни школы во время дѣйствія этихъ регулятивовъ. Кое-чѣмъ изъ

[1]) *A. Goerth*. Friedrich Dittes, 1899.

сообщаемыхъ Гертомъ данныхъ мы и позволимъ себѣ воспользоваться.

Особенно отталкивающей стороной «регулятивовъ» было то, что они сознательно устраняли изъ преподаваемыхъ предметовъ всякій развивающій элементъ и стремились воспитывать въ духѣ угодничества и показного благочестія.

Во всѣхъ семинаріяхъ были заведены сверхпрограммныя молитвенныя и религіозныя «упражненія», какъ говорятъ нѣмцы. Семинаристовъ водили на различныя собранія миссіонерскихъ и другихъ церковныхъ союзовъ и убѣждали впослѣдствіи самихъ устраивать подобные же союзы. Смиреніе, смиреномудріе, самоуничиженіе должны были стать идеаломъ ихъ жизни и дѣятельности. Воспитанники должны были остаться «бѣдными духомъ». Въ этихъ видахъ имъ запрещалось читать родныхъ классиковъ: Шиллера, Гете, Лессинга, Клопштока, Уланда. Кто попадался въ чтеніи «Натана Мудраго», считался недостойнымъ стать учителемъ христіанскаго юношества. Изъ-за того, что въ шкафахъ семинаристовъ были найдены невиннѣйшіе «Деревенскіе разсказы» Ауэрбаха, чуть-чуть не была закрыта учительская семинарія въ Кенигсбергѣ. Для чтенія рекомендовались лишь религіозно-нравственныя изданія миссіонерскихъ и другихъ церковныхъ, обществъ, и все это происходило не въ духовныхъ, а въ учительскихъ семинаріяхъ. Вся программа сводилась къ тому, чтобы дать «теоретическую и практическую подготовку въ предметахъ, не выходящихъ изъ рамокъ элементарной школы». Всякое стремленіе къ самообразованію, къ самостоятельной работѣ мысли подавлялось, клеймилось, какъ безбожное. Семинаріи были отравлены системой шпіонства, и семинаристы, изъ-за боязни предательства, должны были воздерживаться отъ всякаго откровеннаго слова.

Вся эта искусно построенная система не могла остаться безъ надлежащаго воздѣйствія. Уровень учительства быстро падалъ. Учителя выходили изъ семинарій невѣждами;

великихъ германскихъ поэтовъ и мыслителей они знали лишь по тѣмъ отрывкамъ, какіе были помѣщены въ ихъ школьной хрестоматіи «Другъ дѣтей». Съ иностранными языками они совершенно не были знакомы, да что съ иностранными, даже на родномъ они выражались и писали съ такими грубыми ошибками, какихъ не допуститъ теперь порядочный ученикъ хорошей народной школы. Зато на устахъ у нихъ всегда были благочестивыя изреченія. Даже на лучшихъ натурахъ надолго оставалась печать, наложенная «регулятивными семинаріями», —печать, сказывавшаяся въ извѣстной подавленности, отсутствіи способности къ самостоятельной работѣ мысли. По отзыву Дистервега, «регулятивы» возвели въ идеалъ механическую, ремесленную постановку преподаванія, и это—ихъ преступленіе по отношенію къ народному образованію. «И никогда еще дотолѣ,—говоритъ Гертъ,—не производилось такого опаснаго и возмутительнаго подавленія духа, какъ въ это время» [1]).

То, что Штиль сдѣлалъ по отношенію къ народной школѣ, было поручено *Визе* сдѣлать по отношенію къ школѣ средней и высшей. Такъ далеко, какъ Штиль, Визе не зашелъ, хотя въ дѣлѣ подбора личнаго состава онъ шелъ по тому же пути: назначеніе и движеніе по службѣ учителя зависѣло не отъ его научныхъ и педагогическихъ заслугъ, но отъ его отношенія къ клерикаламъ. «Эта политика,—замѣчаетъ Циглеръ,—привела людей со слабымъ характеромъ къ ханжеству, а сильныя натуры погнала въ ряды самой крайней оппозиціи». Но на передѣлку программъ гимназій въ клерикальномъ духѣ Визе не пошелъ, и это было съ его стороны шагомъ извѣстнаго гражданскаго мужества, такъ какъ за учрежденіе особыхъ гимназій въ противовѣсъ языческимъ—классиче-

---

[1]) Однимъ изъ наиболѣе курьезныхъ проявленій реакціи является, быть можетъ, запрещеніе Ф. Раумеромъ въ Пруссіи въ 1851 г. Фребелевскихъ дѣтскихъ садовъ: они были признаны соціалистическими и атеистическими.

скимъ—открыто высказывался самъ король. Но Визе, а за нимъ и министръ Раумеръ не постѣснились заявить, что «лишь одна ограниченность можетъ утверждать, будто надлежащая научная подготовка, путемъ ознакомленія съ классической древностью, можетъ помѣшать выработкѣ изъ юношей благочестивыхъ людей».

Еще въ большей степени, чѣмъ въ школѣ, реакція сказалась въ церкви. «Евангелическая церковь,—говоритъ Циглеръ,—на службѣ у реакціи обрушилась противъ всего, что было либерально въ политическомъ или церковномъ смыслѣ». Еще реакціоннѣе проявляла себя католическая церковь. Но несмотря на то, что кругомъ была реакція, «міръ,—говоритъ Циглеръ,—сталъ совершенно другимъ: «безумный годъ» не прошелъ безслѣдно для людей и учрежденій... Духъ нѣмецкаго народа, потрясенный до сокровеннѣйшихъ глубинъ, не давалъ себя связать и поработить. Правда, настроеніе совершенно измѣнилось, за днями юношески безумнаго опьяненія наступили дни тяжелаго похмелья—пятидесятые годы съ ихъ «тошнотнымъ», по выраженію Фишера, настроеніемъ. Но за ними все-таки послѣдовали дни свѣжести и силы, и потому они не были такъ безнадежны, какъ предшествующее время. Въ данный моментъ, правда, люди не сознавали этого, тогда нѣмцы переживали состояніе настоящаго похмелья. Стало меньше одной великой иллюзіей, и во всемъ движеніи стали видѣтъ только химеру и заблужденіе. Особенно національная и либеральная партія потеряла вѣру въ себя самое... Начали стыдиться того, къ чему еще такъ недавно горячо стремились. Многіе бывшіе въ недалекомъ прошломъ самыми пылкими политиками, теперь и слышать не хотѣли о политикѣ».

Временно реакція могла чувствовать себя госпожей положенія, но ей не доставало «духа живого», и потому 50-е годы были самымъ ничтожнымъ въ духовномъ отношеніи десятилѣтіемъ XIX вѣка. Одна только консервативная партія гордо несла въ то время свою голову. Она

нашла тогда талантливаго защитника консервартивныхъ принциповъ и сословной идеи. Этимъ защитникомъ былъ берлинскій профессоръ государственнаго права Фр. Юлій *Шталь.* Консервативная партія всегда носила на себѣ антисемитическій отпечатокъ, а ея тогдашній вдохновитель, идеи котораго и до сихъ поръ составляютъ ея единственный багажъ, былъ выкрестъ изъ евреевъ. «Это,—говоритъ Циглеръ,—одна изъ тѣхъ ироній, какія подчасъ позволяетъ себѣ міровая исторія и какія придаютъ ей что-то завлекательное и комическое».

Шталь былъ проповѣдникомъ крайней исключительности и нетерпимости какъ въ политической, такъ и въ религіозной сферѣ. Онъ признавалъ терпимость исчадіемъ невѣрія, а свободу совѣсти частью того дѣла разрушенія и переворота, которыя характеризуютъ современную науку и угрожаютъ покою Европы». Онъ провозгласилъ христіанство «религіей нетерпимости, исключительности». Только въ такія тяжелыя времена, какъ 50-е годы, эта дикая клевета на духъ христіанской религіи могла произноситься такъ открыто и встрѣчаться рукоплесканіями консервативнаго лагеря. Но даже въ консервативныхъ рядахъ ею были возмущены болѣе разумные элементы, и прежній другъ и совѣтникъ короля Бунзенъ разразился рѣзкой полемикой противъ теорій Шталя.

Реакціонныя тенденціи 50-хъ годовъ рѣзко сказываются и въ области тогдашней литературы, настолько же бѣдной талантами, насколько то время было бѣдно идеями. Второразрядный писатель Гейбель былъ звѣздою первой величины между лириками того времени. Въ поэзіи господствовала возрожденная романтика, проповѣдь средневѣковыхъ идей, прославленіе благочестія, патріархальнаго строя, кастическаго дѣленія сословій. Но это была романтика, лишенная силы и колорита, что-то до крайности кисло-сладкое. Всѣ эти Штрахвицы, Редвицы, Шеффели, Веберы, графини Ганъ-Ганъ или какъ тамъ не назывались «поэты» того времени,—все это были блуж-

дающіе огоньки, быстро потухшіе, какъ только было дренировано новыми идеями реакціонное болото 50-хъ годовъ. Тоже нужно сказать и о новоявленныхъ сочинителяхъ романовъ и повѣстей. Правда, между тогдашними беллетристами было и нѣсколько талантливыхъ человѣкъ, но это были или уцѣлѣвшіе представители «Молодой Германіи», въ родѣ *Гуцкова* и Фани *Левальдъ*, или чужеземцы, какъ пропитанный прогрессивными идеями швейцарецъ Готфридъ *Келлеръ*, педагогическій романъ котораго «Зеленый Генрихъ» представляетъ какъ бы дополненіе гетевскаго «Вильгельма Мейстера». Въ свое время романъ этотъ не былъ надлежащимъ образомъ оцѣненъ, зато теперь онъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе педагоговъ, и еще недавно лейпцигская учительская газета (Leipziger Lehrerzeitung) посвятила особую статью разбору педагогическихъ идей романа «Зеленый Генрихъ». Къ пониманію этого, вполнѣ реалистическаго произведенія, читатель 50-хъ годовъ сперва долженъ былъ подготовиться надлежащимъ образомъ, и эту подготовку и далъ особенно нашумѣвшій въ 50-хъ годахъ романъ Фрейтага «Soll und haben».

Одна только область духовныхъ проявленій была отмѣчена въ 50-е годы великими успѣхами. Это была область естествознанія. Работа въ этомъ отдѣлѣ наукъ началась собственно раньше 50-хъ годовъ, но она не остановилась и въ теченіе этого печальнаго десятилѣтія. Большіе успѣхи замѣчаются какъ въ сферѣ научныхъ изслѣдованій, такъ и въ популяризаціи ихъ. Въ дѣлѣ популяризаціи науки особенно велики заслуги *Александра Гумбольдта*, чей «Космосъ»,—эта попытка «представить природу, какъ движущееся внутренними силами и живое цѣлое»,—чьи берлинскія чтенія по физической географіи прививали большой публикѣ, благодаря увлекательному таланту лектора и писателя, вкусъ къ точной наукѣ. Тотъ же Гумбольдтъ, въ концѣ 20-хъ годовъ, сталъ средоточіемъ Берлинскаго естественно-научнаго общества и привлекалъ къ

нему много талантливыхъ молодыхъ силъ, между которыми особенно выдавался знаменитый физіологъ *Іоганнесъ Мюллеръ*. Въ началѣ 40-хъ годовъ простымъ швабскимъ врачомъ *Робертомъ Майеромъ* былъ установленъ законъ, ставшій краеугольнымъ камнемъ современнаго научнаго міросозерцанія, именно *законъ сохраненія энергіи*. Открытіе этого закона въ свое время привлекло къ себѣ, впрочемъ, очень мало интереса, даже со стороны спеціалистовъ, и лишь послѣ работъ англичанина *Джоуля*, датчанина *Колдинга* и нѣмца *Гельмгольца*, онъ получилъ всеобщее признаніе. Гораздо большее впечатлѣніе въ то время производили химическія изслѣдованія *Либига*, постаравшагося дать широкое распространеніе своимъ идеямъ при помощи «*химическихъ писемъ*». Особенное впечатлѣніе «письма» произвели, быть можетъ, и потому, что ихъ выводы имѣли значеніе не только научное—для физики и физіологіи, но и практическое—для промышленности и агрикультуры. Вообще нѣмцы умѣли дать практическое примѣненіе многимъ научнымъ открытіямъ. Достаточно указать на глазное зеркало Гельмгольца, на целлюлярную патологію Вирхова.

Что удивительнаго, если, подъ вліяніемъ блестящихъ успѣховъ точной науки, естествоиспытатели становились все самоувѣреннѣе, все смѣлѣе защищали идею о безконечной мощи знанія. Основные вопросы жизни природы и человѣка, которые прежде предоставлены были философіи, занимали теперь физіологовъ, химиковъ, врачей. А съ тѣхъ поръ, какъ Вёлеру удалось впервые искусственно создать органическое тѣло (именно мочевину) изъ неорганическихъ веществъ, большинство естествоиспытателей отказалось отъ вѣры въ «жизненную силу», вліянію которой приписывались прежде свойства органической матеріи. Мало по-малу крѣпло убѣжденіе, что все органическое, а затѣмъ и духовное можно свести къ матеріи. Главными представителями матеріалистическаго міросозерцанія были, какъ извѣстно, *Молешоттъ*, *Фохтъ*

и Бюхнеръ, первые два — люди не безъ нѣкоторыхъ заслугъ въ спеціальныхъ областяхъ естествознанія, послѣдній скорѣе диллетантъ, чѣмъ ученый. Но именно Бюхнеровская «*Матерія и сила*», при всей своей поверхностности, благодаря легкости изложенія, имѣла особенно много читателей и поклонниковъ.

Наиболѣе уязвимой стороной матеріалистическаго міросозерцанія была его неспособность объяснить цѣлесообразность въ природѣ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ игры слѣпого случая. И какъ разъ въ этомъ пунктѣ матеріалисты получили неожиданную поддержку изъ Англіи, откуда пришла знаменитая книга «*О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго отбора*». Эта книга заполнила существеннѣйшій пробѣлъ міросозерцанія, она показала, по выраженію Гельмгольца, какъ «цѣлесообразность въ образованіи организмовъ можетъ быть достигнута безъ всякаго вмѣшательства разума, путемъ слѣпого воздѣйствія закона природы. Примѣненіе новыхъ завоеваній естествознанія, со всѣми выводами, какіе изъ нихъ можно сдѣлать, къ матеріалистическому міросозерцанію наиболѣе послѣдовательно было проведено Давидомъ *Штраусомъ* въ его «Исповѣданіи вѣры». Майеровскій законъ сохраненія энергіи и ученіе о развитіи видовъ путемъ естественнаго отбора принесли, казалось ему, окончательное разрѣшеніе міровой загадки. Убѣжденный тонъ автора, ясность и общедоступность изложенія способствовали необычайной популярности среди германскаго населенія тѣхъ новыхъ идей, истолкователемъ которыхъ явился Штраусъ.

Одни изъ матеріалистовъ ограничивались примѣненіемъ своихъ воззрѣній къ жизни природы, физіологіи и психологіи человѣка, другіе же брались за разрѣшеніе, подъ опредѣленнымъ угломъ, и вопросовъ объ общественныхъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, *Молешоттъ* въ своемъ «Ученіи о пищевомъ продовольствіи народа». О матеріалистическихъ тенденціяхъ *Фейербаха* мы уже упоминали.

«Но,—заявлялъ Фейербахъ,—матеріализмъ является для меня лишь основаніемъ зданія человѣческаго существованія и знанія, а не самымъ зданіемъ, какимъ представляется оно физіологамъ, естествоиспытателямъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, Молешотту, напримѣръ». Фейербахъ хотѣлъ прослѣдить вліяніе питанія, условій жизни на нравственное поведеніе человѣка и, вмѣстѣ съ Молешоттомъ, требовалъ улучшенія быта рабочихъ классовъ, въ видахъ поднятія ихъ въ нравственномъ отношеніи. Гуманныя, а особенно свободолюбивыя требованія были общи очень многимъ матеріалистамъ, а это въ 50-е годы неизбѣжно должно было повести къ преслѣдованію вожаковъ направленія. Бюхнеръ и Молешоттъ лишились профессорскихъ каѳедръ.

Если принять во вниманіе, что люди пріобрѣтаютъ особенную склонность сводить все въ теоріи къ свойствамъ матеріи и только ея одной въ томъ случаѣ, если въ практической жизни они не видятъ ничего другого, кромѣ однихъ только матеріальныхъ проявленій, если высшія духовныя силы придавлены и спятъ, не даютъ громко и властно знать о себѣ,—то станетъ вполнѣ понятнымъ нижеслѣдующее замѣчаніе Циглера. «Побѣдѣ и процвѣтанію матеріалистическаго міровоззрѣнія,—говоритъ онъ,—особенно способствовало одностороннее подчеркиваніе матеріально-хозяйственныхъ сторонъ жизни и дѣятельности, а это въ то время дѣлали искусно и преднамѣренно—въ реакціонныхъ видахъ. Такимъ образомъ главную вину въ распространеніи и укрѣпленіи преслѣдуемаго матеріализма несли именно тѣ самыя реакціонныя власти, партіи, тенденціи, которыя громче всѣхъ жаловались на него и, подъ предлогомъ государственнаго блага, подвергали яростнымъ преслѣдованіямъ. И офиціальныя государственныя церкви тоже ничего не могли противопоставить ему, такъ какъ и онѣ сами не способствовали развитію духовной стороны: онѣ сами впадали въ полную безъидейность, въ узко матеріалистическій догматизмъ, онѣ

губили въ своей собственной средѣ настоящій идеализмъ и давали массу поводовъ къ враждѣ противъ церкви».

Само собою разумѣется, что эти указанія не имѣютъ ничего общаго съ обвиненіями, поднятыми въ 70-хъ годахъ Морицомъ Карверомъ противъ Штрауса, будто бы матеріалистическое міровоззрѣніе влечетъ за собою или даже включаетъ въ себя матеріализмъ сердца. Противъ этого съ полной очевидностью свидѣтельствуетъ опытъ, говорящій о томъ, что матеріалисты сердца были во всѣ времена и во всѣхъ партіяхъ; они всегда старались примкнуть къ тому міровоззрѣнію, которое является самымъ покойнымъ, т.-е. наиболѣе терпимымъ тамъ—наверху.

Подобно тому, какъ бытовыя условія способствовали распространенію матеріалистическаго міровоззрѣнія, они также содѣйствовали необычайной популярности въ 50-хъ и послѣдующихъ годахъ и философіи *Шопенгауэра*.

Сорокъ лѣтъ («Міръ, какъ воля и представленіе» вышелъ еще въ 1819 году) нетерпѣливо ждалъ этотъ философъ своего торжества, сорокъ лѣтъ онъ оставался малопризнаннымъ чудакомъ, и лишь на склонѣ жизни онъ становится властителемъ думъ нѣмецкаго народа. Это потому, что одинъ элементъ Шопенгауэровской философіи необычайно подходилъ къ тогдашнему настроенію, именно, ея пессимизмъ. Основой, сущностью всего является, по мнѣнію Шопенгауэра, воля. Но воля эта дѣйствуетъ непланомѣрно, а потому, при вѣчной неустанности своихъ желаній и стремленій, она остается неудовлетворенной. Всякое желаніе проистекаетъ изъ недостатка и неудовлетворенности. Если оно получитъ желаемое удовлетвореніе, то послѣднее оказывается лишь обманомъ и началомъ новаго стремленія и такъ до безконечности. Но какъ только прекратится стремленіе, то, какъ противоположный полюсъ, на сцену выступаетъ новый демонъ—скука, и такъ между скорбью и скукой неустанно то въ ту, то въ другую сторону и колеблется, какъ маятникъ, человѣческое существованіе.

Къ этому и сводится, Шопенгауэровскій пессимизмъ, изнывающій въ жалобахъ на негодность человѣческой жизни, на преизобиліе страданія и горя, на глупость и испорченность людей. И основывается онъ на томъ положеніи, что всякое удовольствіе только отрицательно, только освобожденіе отъ какого-нибудь страданія, отъ какой-нибудь нужды. Эта философія холоднаго отчаянья всего больше подходила къ настроенію 50-хъ годовъ. «Едва ли какой другой народъ,—говоритъ Циглеръ,—подвергался въ теченіе 50 лѣтъ большимъ злоключеніямъ, хуже управлялся своими правителями и государственными людьми, болѣе позорно былъ обманутъ въ своихъ упованіяхъ и надеждахъ, чѣмъ нѣмецкій народъ въ періодъ 1815—1866 годовъ. Одинъ тотъ фактъ, что цѣлый рядъ лучшихъ и величайшихъ сыновъ этого народа былъ въ теченіе этихъ лѣтъ политически заподозрѣнъ, отданъ подъ надзоръ, подвергся преслѣдованію и осужденію, заключенъ въ тюрьмы и подвергся изгнанію, говоритъ больше цѣлыхъ томовъ. Что же удивительнаго, если, наконецъ, изсякло мужество и вѣра въ лучшее будущее? Но нѣмцы должны были бы перестать быть нѣмцами, если бы они не захотѣли имѣть соотвѣтственной теоріи и системы, и она оказалась уже готовой въ философіи франкфуртскаго отшельника».

Замѣчательно, что хотя въ нѣмецкой поэзіи много пессимистическихъ мотивовъ, но нѣтъ ни одного классика пессимистическаго міросозерцанія. И Шопенгауэръ долженъ былъ указать какъ на человѣка «совершенно исчерпывающе изобразившаго горе существованія» не на какого-либо изъ нѣмецкихъ поэтовъ, а на итальянца Джакомо *Леопарди*. Правда, что пессимизмъ Леопарди проистекалъ не только изъ личныхъ и индивидуальныхъ условій—самъ онъ былъ «рѣдкимъ примѣромъ человѣческаго несчастія,—но также изъ политическихъ условій его итальянской родины, которая съ 1859 года отличалась печальнымъ сходствомъ съ Германіей до средины 60-хъ

годовъ въ томъ отношенiи, что обѣ эти страны были «недосягаемы въ своемъ несчастiи».

Съ начала 60-хъ годовъ воздухъ, впрочемъ, немного прочищается. Въ 1858 году Фридрихъ-Вильгельмъ IV, уже и раньше проявлявшiй признаки душевнаго недуга, заболѣлъ настолько, что болѣзнь его стало скрывать уже невозможнымъ, и въ Пруссiи было назначено регентство брата его—принца Вильгельма. Придворная группа, державшая въ своихъ рукахъ больного короля, мало-по-малу рѣдѣетъ. Но чего-нибудь особенно благотворнаго для страны годы регентства не принесли. Но и позднѣе, когда принцъ регентъ сталъ королемъ Вильгельмомъ I, въ теченiе всѣхъ 60-хъ годовъ германская жизнь не могла похвалиться какими-либо блестящими проявленiями духовной сферы: въ продолженiе всего этого времени политическiе интересы рѣшительно подавляли въ Германiи все остальное. «Ударъ за ударомъ,—говоритъ Ц.,—слѣдовали великiя событiя: парламентскiй конфликтъ изъ-за усиленiя армiи, разрѣшенiе Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса нѣмецко-датской войной и включенiе герцогствъ по Эльбѣ въ составъ Пруссiи, война съ Австрiей въ 1866 г. и, какъ побѣдный трофей, присоединенiе земель къ Пруссiи и основанiе сѣверо-нѣмецкаго союза и, наконецъ, франко-прусская война и созданiе Германской имперiи: все это цѣликомъ захватывало всѣ интересы и на другое не оставалось ни времени, ни вниманiя, ни силъ. Такъ, изъ нацiи поэтовъ и мыслителей нѣмцы превратились въ нацiю политическую, изъ идеалистическаго въ совершенно реалистическiй народъ».

Конечно, и съ *общественно*-педагогической точки зрѣнiя фактъ объединенiя Германiи не можетъ остаться безразличнымъ для того, кто считаетъ государство важнымъ воспитательнымъ факторомъ, уже внѣшнимъ образомъ объединяющимъ народъ, способствующимъ укрѣпленiю въ немъ идеи о принадлежности къ одному обширному цѣлому, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже этимъ пробуждаю-

щимъ и укрѣпляющимъ сознаніе долга по отношенію къ своимъ согражданамъ. Но признавая всю важность факта объединенія, на томъ, какимъ образомъ онъ совершился, мы здѣсь останавливаться не можемъ и переходимъ къ знакомству съ послѣдующими десятилѣтіями.

Глава V.

Семидесятые и восьмидесятые годы: культуркамфъ; измѣненія въ характерѣ общественнаго умонастроенія.

Одною изъ важныхъ педагогическихъ задачъ государства является сохраненіе и развитіе культуры. Вновь возникшей Германской имперіи и пришлось выдержать долгую и въ общемъ далеко не побѣдоносную борьбу за культуру съ силой ей враждебной («культуркамфъ» — окрестилъ эту борьбу Вирховъ). Этой силой явилась католическая церковь, глава которой почти накапунѣ франко-прусской войны провозгласилъ догматъ папской непогрѣшимости. Государство долго уклонялось отъ борьбы. *Бисмаркъ*, стоявшій во главѣ правительства, не хотѣлъ ея, считая ее противорѣчащей какъ непосредственнымъ задачамъ государства, такъ и личнымъ своимъ симпатіямъ. Еще больше не хотѣли этой борьбы императоръ Вильгельмъ и особенно императрица Августа, имѣвшая извѣстное вліяніе на мужа. Министръ культа (нар. просв. и *духовныхъ дѣлъ*) Мюллеръ, настроенный въ строго церковномъ духѣ, охотно готовъ былъ выполнять малѣйшее требованіе церкви.

Но требованія становились все непомѣрнѣе, и правительство сочло себя вынужденнымъ поднять брошенную ему перчатку. Борьба началась повсюду: въ Баваріи, въ Баденѣ, въ Пруссіи. Въ Пруссіи велъ ее министръ *Фалькъ*, занявшій въ 1872 г. мѣсто Мюллера, а во всей Германіи—Бисмаркъ. Майскіе законы 1873 и 1874 годовъ отмѣнили исключительное положеніе духовенства и поставили его подъ юрисдикцію свѣтской власти, изгнали изъ

Германіи орденъ іезуитовъ, ввели гражданскій бракъ. Въ Пруссіи введенъ былъ законъ о надзорѣ за школами, освобождавшій школу отъ давленія духовенства, и законъ о замѣщеніи освобождавшихся епископскихъ мѣстъ, по соглашенію со свѣтскою властью. Въ Баденѣ введена была школа, общая для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій. Духовенство не хотѣло признавать этихъ законовъ, открыто возмущалось противъ нихъ, за что подвергалось преслѣдованіямъ со стороны государства.

Борьба начата была съ большой энергіей, но она была остановлена на полдорогѣ. Во главѣ католической партіи сталъ человѣкъ огромныхъ политическихъ дарованій, Людвигъ Виндгорстъ, сумѣвшій совершить почти невозможное, сумѣвшій сплотить въ компактную партію совершенно враждебные взаимно элементы. Въ нее вошли, говоритъ Циглеръ, съ одной стороны ганноверскіе вельфы и ненавидящіе Пруссію баварскіе партикуляристы, съ другой—патріотически настроенные пруссаки, а среди послѣднихъ демократически мыслящіе жители рейнской области рядомъ съ феодальными владѣльцами рыцарскихъ имѣній изъ Силезіи. Преслѣдованія католическихъ священниковъ только способствовали росту той партіи, во главѣ которой стоялъ Виндгорстъ,—партіи центра: въ срединѣ 70-хъ годовъ центръ имѣлъ въ рейхстагѣ уже свыше сотни представителей. Правительство, неохотно начавшее борьбу, противъ которой все время былъ дворъ, скоро утомилось ею и сдалось. Бисмаркъ, гордо заявлявшій, что онъ не пойдетъ, по примѣру императора Генриха IV, въ Каноссу, пошелъ туда. Съ внѣшней стороны шагъ былъ облегченъ тѣмъ, что мѣсто Пія IX, столь щедро сыпавшаго анаѳемами по самому малѣйшему поводу, занято было въ 1878 г. болѣе тонкимъ дипломатомъ—Львомъ XIII, склоннымъ къ миру — на выгодныхъ, конечно, для себя условіяхъ.

Симптомомъ сдачи правительства послужила отставка въ 1879 г. прогрессивнаго министра Фалька и замѣна его

Путткамеромъ [1]). А затѣмъ шагъ за шагомъ отмѣнены были различные пункты майскихъ законовъ, а въ 1887 г. законы эти были отмѣнены уже окончательно. Только орденъ іезуитовъ не получилъ еще формальнаго разрѣшенія вернуться въ Германію.

Католическая партія не только вышла изъ борьбы побѣдительницей, но еще и увѣнчалась ореоломъ мученичества, въ которое были раздуты тѣ преслѣдованія, какимъ подвергались во время культуркамфа нѣкоторые изъ представителей католической церкви. Побѣда эта не можетъ считаться благотворной для культуры [2]) уже потому, что разъ папа непогрѣшимъ, то въ католическомъ мірѣ нѣтъ свободы изслѣдованія. Это разумѣется само собой, но это обстоятельство еще подчеркнулъ папа Левъ XIII въ своей энцикликѣ «Aeterni patris» (какъ извѣстно, энциклики называются по первымъ словамъ, которыми начинаются) отъ 4 августа 1879 г., въ которой постановлялъ, что въ основаніе всѣхъ научныхъ работъ католическаго христіанскаго міра должны быть положены теологія и философія Ѳомы Аквината. Такимъ образомъ всѣ науки должны быть построены на средневѣково-схоластической точкѣ зрѣнія. А сочиненія, противорѣчащія этой точкѣ зрѣнія, вносятся въ index librorum prohibitorum, т.-е. въ списокъ воспрещенныхъ книгъ, которыхъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, не долженъ имѣть ни одинъ правовѣрный католикъ. Къ счастію, хотя партіи, по самой природѣ своей враждебной просвѣщенію, и удалось уже много напортить въ этомъ отношеніи въ Германіи, но она далеко еще не всесильна, что доказало крушеніе въ 1892 году консервативно-клерикальнаго школьнаго законопроекта, предложеннаго барономъ Цедлицемъ, и такое же крушеніе похода противъ свободы науки, предпринятаго въ 1895 году.

Не одна, впрочемъ, католическая церковъ начинала по-

---

[1]) См. ст. „Германскій учительскій союзъ“, В. В. 1899.

[2]) См. по этому поводу любопытную статью *Н. Кудрина* въ № 12 „Рус. Богатства“ за 1899 г.

ходъ противъ науки. Въ 1868 году богатый матеріалъ сатирическимъ листкамъ далъ берлинскій пасторъ Кнакъ, отрицавшій систему Коперника на томъ основаніи, что она находится въ противорѣчіи съ книгой Іисуса Навина. Но все это было не только смѣшно: это было не чудачество отдѣльнаго лица, а лишь откровенное проявленіе того духа правовѣрной нетерпимости, которымъ все сильнѣе заражалась и протестантская церковь. «По всей линіи —говоритъ Циглеръ,— побѣдили въ католицизмѣ ультрамонтанско-іезуитское направленіе, а въ протестантизмѣ—ортодоксальное. Въ католической церкви противъ духа потемненія раздаются лишь отдѣльные голоса, въ протестантской ихъ больше, но кучка стариковъ свободомыслящихъ все рѣдѣетъ, а число ихъ преемниковъ очень невелико. Но въ другомъ отношеніи разница между католицизмомъ и протестантизмомъ гораздо больше: въ одномъ за вождями изъ среды епископовъ и священниковъ слѣдуютъ массы народа, въ протестантской церкви совершенно иное. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ борьбѣ «союза протестантовъ» принимало участіе еще значительное число образованныхъ людей, теперь собраніями «союза» въ Берлинѣ не интересуется почти никто. А гдѣ же массы? Въ восточныхъ провинціяхъ протестантскій пасторъ является еще подчасъ вождемъ крестьянъ, но лишь въ чисто политическихъ, а не въ церковно-политическихъ вопросахъ. Наиболѣе жгучій интересъ для народа представляетъ теперь вопросъ объ улучшеніи экономическаго положенія.

Но пробужденіе особаго интереса къ этому вопросу замѣчается не только у лицъ ручного труда, но и повсюду—и въ правящихъ сферахъ, и у лицъ свободныхъ профессій. Всѣ въ Германіи задумываются надъ этимъ вопросомъ, и многіе стремятся теоретически или практически разрѣшить его. А вѣдь въ началѣ столѣтія почти все и вся были равнодушны ко всему, что выходило изъ сферы личныхъ ощущеній и отношеній.

Пробужденіе усиленнаго интереса въ указанномъ на-

правленіи составляетъ характерную черту послѣднихъ десятилѣтій вѣка, а совершившійся въ общественномъ настроеніи переходъ отъ индивидуализма начала вѣка къ общественности его конца является знаменательнѣйшимъ фактомъ общественной психологіи. Отсюда понятно, что факторы, произведшіе это перевоспитаніе общественной души,—одни изъ важнѣйшихъ *общественно-педагогическихъ* факторовъ. Что же это за факторы?

Измѣненія должны были начаться съ самихъ массъ. Онѣ сами сперва должны были заинтересоваться собственною участью, а потомъ уже отраженнымъ путемъ ею заинтересовалось и остальное общество. А по мѣрѣ того какъ участь огромнѣйшей части общества сосредоточиваетъ на себѣ все больше и больше вниманія, мысль привыкаетъ работать въ опредѣленномъ направленіи и по опредѣленному методу, все чаще и рѣшительнѣе начинаетъ примѣняться *общественная точка зрѣнія* къ самому разнообразному кругу явленій. Кто же пробудилъ соотвѣтственные интересы у массъ—опредѣленныя ли личности, бытовыя ли условія? Совмѣстное вліяніе и тѣхъ, и другихъ конечно. Движеніе начинается съ 60-хъ годовъ, и всѣмъ извѣстна краткая, но кипучая и столь чреватая послѣдствіями дѣятельность человѣка, положившаго прочный фундаментъ сплоченію массъ въ Германіи. Совершенно также нѣтъ въ настоящее время мало-мальски образованнаго человѣка, которому бы хотя въ общихъ чертахъ не были извѣстны теоретическія положенія творца «Капитала».

Вначалѣ не было полнаго единогласія среди приверженцевъ новаго движенія, существовало двѣ враждовавшихъ фракціи, но въ общемъ число приверженцевъ росло. Національное движеніе $18^{70}/_{71}$ г., закончившееся созданіемъ имперіи, понизило число приверженцевъ новаго направленія, но послѣдовавшія событія снова способствовали его росту. Мы имѣемъ въ виду вліяніе эпохи такъ наз. «грюндерства», эпохи первыхъ 3-хъ годовъ новой имперіи.

Благодаря французскимъ милліардамъ, притекшимъ въ страну, происходитъ быстрый хозяйственный расцвѣтъ Германіи. А громадные барыши, которые стали давать коммерческія предпріятія, затуманивали головы. «Собственниковъ охватило, говоритъ Циглеръ, какъ будто опьяненіе; капитализмъ праздновалъ настоящія оргіи; самыя нездоровыя предпріятія искали и находили для своихъ проспектовъ звучныя имена среди знатнѣйшихъ членовъ націи; спекулятивная лихорадка, подобно эпидеміи, охватила всѣ круги—дворянство, высшее чиновничество, офицеровъ, ученыхъ, духовенство; пресса почти безъ исключенія оказалась подкупной,—однимъ словомъ, все весело и позорно плясало вокругъ золотого тельца, и психологія массъ стала богаче еще однимъ печальнымъ опытомъ... А затѣмъ произошло то, что неизбѣжно должно было случиться—потопъ, великій крахъ 1873 г., повлекшій въ свой водоворотъ не однихъ виновныхъ. Въ первую голову пострадала буржуазія, но затѣмъ кризисъ привелъ къ массовому увольненію рабочихъ и внезапному пониженію заработной платы тысячи рабочихъ и ихъ семей... Эти годы грюндерства съ ихъ перепроизводствомъ и послѣдовавшій затѣмъ кризисъ дали хорошую иллюстрацію и практическое подтвержденіе теоріи Маркса, а тою нуждою, которую принесли они съ собою, они сдѣлали эту теорію слишкомъ понятной и очевидной для рабочихъ. Такимъ образомъ изъ этой пляски вокругъ золотого тельца прямую выгоду извлекла одна только крайняя лѣвая, и число голосовъ, поданныхъ за нее, возросло съ 102,000, до которыхъ оно пало въ 1871 г., до 352,000 въ 1874, число же депутатовъ въ парламентѣ возросло съ 2-хъ до 9-ти».

Съ новой партіей рѣшили бороться исключительными мѣрами, и конецъ эпохи культуркамфа былъ ознаменованъ изданіемъ исключительныхъ законовъ, бывшихъ въ силѣ въ теченіе 1878—1890 г. Но эти законы подѣйствовали на новую партію совершенно такъ же, какъ майскіе законы

1873—74 гг. на католиковъ: они заставили ее сплотиться, отказаться отъ шумихи рѣзкихъ проявленій, вызывающихъ словъ, всего того, что неизбѣжно въ дѣтскомъ и юношескомъ періодѣ каждаго движенія.

«Представители партіи,—говоритъ Циглеръ,—научились быть осмотрительнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурнѣе и въ устномъ, и въ печатномъ словѣ; временемъ воспользовались для работы въ тиши. Это были ученическіе годы партіи, въ концѣ которыхъ она насчитывала уже много зрѣлыхъ мужей, много научно образованныхъ ораторовъ и писателей. И прежде всего — цѣли, ради которыхъ претерпѣваютъ страданія, становятся нравственными идеалами; натуры, которыя, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, несмотря на осужденія и кары, твердо держатся за свои идеалы, становятся самоотверженными, мужественными людьми; эгоистическіе честолюбцы не вырастаютъ на такой почвѣ и въ такія времена».

Ростъ приверженцевъ партіи, несмотря на исключительные законы, заставилъ задуматься надъ цѣлесообразностью избранной мѣры. Объ этомъ свидѣтельствовало императорское посланіе рейхстагу отъ 17 ноября 1881 г. «Уже въ февралѣ настоящаго года (въ тронной рѣчи) мы,—говорилось въ этомъ посланіи,—высказали свое убѣжденіе, что исцѣленіе соціальныхъ золъ не можетъ быть достигнуто путемъ репрессіи, что одновременно слѣдуетъ положительнымъ образомъ содѣйствовать благу рабочихъ классовъ. Мы считаемъ поэтому своимъ императорскимъ долгомъ снова рекомендовать сочувствію рейхстага эти задачи и будемъ съ особымъ удовольствіемъ слѣдить за всѣми успѣхами въ этомъ направленіи». Та же мысль выражалась и въ посланіи отъ 14 апрѣля 1883 г., гдѣ указывалось, что «законодательство не должно ограничиваться полицейскими и уголовными мѣропріятіями по подавленію опасныхъ для государства стремленій; нужно постараться о введеніи реформъ, содѣйствующихъ благу рабочихъ и могущихъ улучшить или обезпечить ихъ положеніе».

Императоръ вводилъ такимъ образомъ въ обиходъ новое представленіе о государствѣ и его задачахъ. «Это представленіе,—говоритъ Циглеръ,—дѣлало государство отвѣтственнымъ за благо рабочихъ классовъ, принудительно возлагало на собственниковъ обязанности по отношенію къ рабочимъ и стремилось сдѣлать монархическое *государство* прибѣжищемъ и защитникомъ экономически слабыхъ».

Практическимъ выраженіемъ этой идеи послужили изданные въ 80-хъ годахъ законы о страхованіи на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ, инвалидности и старости. Но эти реформаторскіе законы, благами которыхъ пользуется огромная масса рабочихъ, не внесли однако примиренія въ рабочіе классы, и въ этомъ, по мнѣнію Циглера, тоже вина исключительныхъ законовъ. Онъ считаетъ послѣднее мѣропріятіе вообще крайне неудачнымъ. Новыя идеи, говоритъ онъ, были цѣлымъ міросозерцаніемъ, одновременно наукой и вѣрой; поэтому ихъ можно побѣдить только орудіемъ духа, если только вообще можно побѣдить.

Въ 1890 г. срокъ дѣйствія исключительныхъ законовъ истекъ, и они не были затѣмъ уже возобновлены Новое положеніе способствовало, съ одной стороны, тому, что партія быстро разрослась: въ 1893 г. за нее подано было 1.786.000 голосовъ и избрано 44 депутата, въ 1898 г. 2.100.000 голосовъ послали въ рейхстагъ 56 депутатовъ. Съ другой стороны, участіе, на ряду съ другими партіями въ государственной работѣ, заставляетъ ее не ограничиваться однѣми политическими задачами, а работать и въ городскомъ управленіи, и въ имперскомъ рейхстагѣ надъ тѣми реформами, которыя, по ея мнѣнію, могутъ содѣйствовать благу массъ. Все громче также раздаются голоса за то, что вся задача данной минуты не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы заставить извѣстное количество человѣкъ опустить въ избирательную урну бюллетень съ именемъ опредѣленнаго кандидата; что гораздо важнѣе воспитать

въ людяхъ духъ солидарности, сдѣлать ихъ сознательными приверженцами опредѣленныхъ идей. А для этого необходимы извѣстныя воспитательныя учрежденія въ видѣ тѣхъ или другихъ обществъ. Послѣднія, оставляя, конечно, въ сторонѣ политическія организаціи, менѣе обширны и менѣе компактны въ Германіи, чѣмъ въ Англіи, но несомнѣнны все усиливающіяся симпатіи къ послѣднему именно направленію дѣятельности. Между сторонниками этого—мы сказали бы праваго крыла партіи—и приверженцами старыхъ идей, во всей ихъ неприкосновенности, въ послѣднее время и на собраніяхъ, и въ печати происходятъ оживленные споры, особенно сконцентрировавшіеся теперь вокругъ идей Бернштейна. Эти споры заставляютъ людей, смотрящихъ со стороны, толковать о назрѣвающемъ расколѣ и о «выцвѣтаніи» партіи, о постепенномъ сліяніи ея съ буржуазной партіей реформъ. А это даетъ возможность благодушнѣе относиться къ ней даже правящимъ сферамъ.

Видимыя черты сходства съ идеями различныхъ буржуазныхъ партій реформъ проистекаютъ, быть можетъ, особенно изъ того, что новыя идеи, поскольку, конечно, онѣ касаются не средствъ дѣйствія, а являются идеями научными—философскими, соціальными, политико-экономическими, не остались достояніемъ одной только партіи, а все больше и больше стали насыщать все общество. Такъ, въ общественныхъ наукахъ, по всей линіи, произошелъ переходъ отъ индивидуалистическаго къ общественному міросозерцанію. Прежде всего новыми идеями проникласъ, конечно, наука политической экономіи. Особенно много для разработки и распространенія этихъ идей среди всѣхъ классовъ населенія сдѣлалъ учрежденный въ 1872 г. «союзъ для соціальной политики», во главѣ котораго стоитъ консерваторъ по политическимъ убѣжденіямъ—профессоръ *Шмоллеръ*. Въ настоящее время всѣ почти, за малымъ лишь исключеніемъ, университетскія каѳедры политической экономіи заняты приверженцами

теорій, совершенно противоположныхъ прежнимъ. Лишь въ 90-хъ годахъ индивидуализмъ снова поднялъ свою голову. Заводчикъ Штуммъ началъ въ палатѣ господъ походъ противъ новаго направленія университетской науки и требовалъ отъ министра культа ея обузданія. Но административнымъ вмѣшательствомъ никогда не опредѣляются ростъ и укрѣпленіе тѣхъ или другихъ идей.

Сравнивая индивидуалистическое и общественное міросозерцаніе, Циглеръ видитъ между ними коренное различіе, и видитъ его вполнѣ основательно. Индивидуалисты знаютъ въ обществѣ лишь отдѣльныхъ индивидовъ, лишь *атомы*, между которыми если и существуетъ какая-либо связь, то лишь самая рыхлая, *механическая*, могущая быть разорванной въ любой моментъ безъ вреда для каждаго изъ этихъ самостоятельныхъ атомовъ. Цѣлое, если и мыслится, то лишь какъ механическая сумма атомовъ, легко распадающаяся на свои самостоятельныя части. Сторонники же общественнаго міросозерцанія признаютъ общество единымъ высшимъ цѣлымъ, въ которомъ отдѣльныя части индивиды—объединены глубокою *органическою* связью и подчинены въ своихъ дѣйствіяхъ этому цѣлому. Въ виду этого Циглеръ, выдвигая основные пункты различія, опредѣляетъ индивидуалистическое міросозерцаніе, какъ *атомистическое* и *механическое*, въ противоположность *органическому*, какимъ является общественное міросозерцаніе.

А несомнѣнно одно, что новыя *общественныя* по существу идеи идутъ на смѣну прежнему либеральному индивидуализму, который, говоритъ Циглеръ, «въ виду его атомизма, можно опредѣлить, какъ *механическое* міросозерцаніе». «Ибо,—спрашиваетъ нашъ авторъ,—какъ мыслитъ индивидуалистическій либерализмъ человѣчество? Какъ *сумму индивидовъ*, представляющихъ собою скорѣе просто атомы, изъ которыхъ каждый, изначала по существу совершенно сходный съ другими, имѣетъ совершенно тѣ же права, какъ и всѣ другіе, и, какъ самостоятельная, изолированная единица, противостоитъ имъ. И если эти атомы даже

соединяются въ группы, то эти соединенія преходящи и случайны, произвольны и искусственны, покоятся на основѣ добровольно заключенныхъ договоровъ. Поэтому всѣ такія соединенія не только не необходимы и не неразрушимы, но, образовавшись исключительно въ служебныхъ цѣляхъ и въ интересахъ этихъ отдѣльныхъ единицъ, они существуютъ лишь ради нихъ и стоятъ поэтому не выше ихъ: отдѣльныя личности, въ любой формѣ, какъ большинство, какъ множество, сохраняютъ по отношенію къ цѣлому свои верховныя права».

Оставляя въ сторонѣ политическіе выводы либеральной теоріи, укажемъ лишь на общественные выводы, сводящіе общественное развитіе къ свободной конкуренціи отдѣльныхъ индивидовъ. На практикѣ эта свободная конкуренція сводится къ побѣдѣ немногихъ счастливцевъ и къ пораженію и гибели очень и очень многихъ. Свобода и равенство, провозглашенныя либеральными индивидуалистами, на практикѣ выродились въ свою противоположность—неравенство, несвободу, зависимость. «Самое же худшее,—говоритъ Циглеръ,—этическая или точнѣе безнравственная основа этого порядка: индивиды и свободныя личности превращаются, въ концѣ-концовъ, лишь въ «руки», человѣкъ—въ «наемника», въ органъ вмѣсто цѣлаго человѣка, и такимъ образомъ цѣлое перестаетъ быть цѣлымъ, а уродуется въ своихъ высшихъ и богатѣйшихъ проявленіяхъ. Вмѣсто организованнаго общества, въ которомъ «все сплетается въ одно цѣлое, одно дѣйствуетъ и живетъ въ другомъ», получается неорганическая, нерасчлененная масса, которой прежде всего недостаетъ самаго главнаго—полнаго участія въ благахъ нашей народности, въ завоеваніяхъ нашей культуры, въ ея наслажденіяхъ и радостяхъ, въ красотѣ и счастіи, въ истинѣ и развитіи, въ нравственной свободѣ и достойномъ человѣка существованіи».

«Общественное міросозерцаніе можетъ быть противопоставлено индивидуализму, какъ нравственное мировоз-

зрѣніе другого, высшаго порядка. Въ противоположность механическому индивидуалистическому міросозерцанію его можно назвать *органическимъ*; вмѣсто диссоціирующихъ тенденцій общественное міросозерцаніе, какъ указываетъ уже его названіе, проводитъ тенденціи ассоціирующія. Индивидъ является здѣсь уже не самодовлѣющимъ цѣлымъ, но лишь членомъ и частью цѣлаго; онъ состоитъ на службѣ у этого цѣлаго и обязанъ къ дѣятельной совмѣстной работѣ по построенію и поддержанію цѣлаго. Какъ выразился епископъ Весткоттъ Дургамскій, общественное міросозерцаніе «смотритъ на человѣчество какъ на органическое цѣлое, на полное жизни единство, образованное соединеніемъ и взаимною зависимостью совмѣстно дѣйствующихъ членовъ; его методъ—кооперація, его цѣль — выполненіе обязанности. Оно хочетъ такъ организовать жизнь, чтобы она обезпечивала каждому полное развитіе его силъ».

Однимъ изъ интереснѣйшихъ проявленій общественнаго міросозерцанія въ сферѣ педагогическихъ идей является широко распространенное теперь ученіе о средѣ, особенно о средѣ общественной. Ученіе это, какъ извѣстно, отрицаетъ какую-либо самостоятельную роль изолированной личности и ставитъ ее въ полную зависимость отъ вліянія обстановки, прежде всего обстановки общественной. Впервые направленіе это проявилось не въ Германіи (если не считать отдѣльныхъ замѣчаній того или другого писателя, въ родѣ, напримѣръ, замѣчанія Шиллера въ прологѣ къ Валленштейну: Sein Lager nur erkläret sein Verbrechen), а во Франціи, гдѣ наиболѣе яркое выраженіе этимъ идеямъ далъ въ наукѣ однимъ изъ первыхъ *Тэнъ*, а въ беллетристикѣ *Золя*.

«Средой,—формулируетъ это ученіе Циглеръ,—опредѣляется и средой долженъ объясняться каждый индивидъ... Чего же не можетъ объяснить современная среда, то относится на счетъ прошедшей среды: къ принудительному вліянію окружающей обстановки присоединяется рокъ

наслѣдственности, устраняющій послѣдній необъяснимый остатокъ индивидуальности, которую онъ объясняетъ и сводитъ къ средѣ прошлаго. Среда и наслѣдственность являются не противорѣчащими, а взаимно пополняющими другъ друга факторами. Примѣненіе этого ученія къ соціологіи, исторіи, уголовному праву (здѣсь рядомъ съ итальянцемъ Ломброзо упомяну лишь о нѣмцѣ Листѣ) вполнѣ понятно; въ поэтической литературѣ на ряду съ именемъ Золя нужно назвать также Ибсена».

Проникновеніе народа однородными идеями ведетъ къ большему взаимному пониманію, къ уничтоженію пропасти между отдѣльными классами. Конечно, это не значитъ, чтобы XIX вѣку удалось разрѣшить соціальный вопросъ. Эта честь, быть можетъ, выпадетъ на долю наступающаго вѣка, который, по мнѣнію Шмоллера, долженъ быть вѣкомъ «соціальнымъ» по преимуществу.

Глава VI.

Конецъ вѣка.

Пробужденіе индивидуалистическихъ тенденцій.—Вопросъ о реформѣ школы.—Характеръ науки, искусства и литературы конца вѣка.—Заключеніе.

Если XX вѣку удастся пріобрѣсти совершенно опредѣленную физіономію, то онъ будетъ этимъ очень отличаться отъ послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка. Необычайно хаотическимъ сплетеніемъ самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ тенденцій характеризуется это десятилѣтіе. И хотя общественныя тенденціи попрежнему остаются основной чертой и научныхъ воззрѣній, и обиходныхъ взглядовъ большинства, но очень сильно—и притомъ среди молодежи—начинаютъ пробиваться и индивидуалистическія тенденціи. Въ каждомъ государствѣ были свои причины, заставившія часть общества снова стать на путь культа личности, на путь индивидуализма. Одну изъ причинъ этого явленія для Германіи Циглеръ видитъ въ

естественной реакціи противъ подавленія чиновничьимъ и военнымъ государствомъ, слишкомъ склоннымъ подводить все подъ одинъ ранжиръ, всякой оригинальности, всякой инициативы. «Чѣмъ могущественнѣе,—говоритъ Циглеръ,—становилось государство, начиная съ 1866 и 1870 годовъ, и чѣмъ больше крѣпъ въ немъ духъ милитаризма и бюрократіи, чѣмъ сильнѣе становилась государственная идея въ Германіи, тѣмъ больше полагалось препятствій оригинальности и праву свободнаго проявленія индивида. Полицейская и государственная власть подавляютъ у насъ собственную инициативу, мы мало способны къ самопомощи, мы тотчасъ же взываемъ къ государству».

Нивеллирующимъ образомъ дѣйствуетъ не только государство, но и городская жизнь съ массовыми скопленіями населенія, съ легкостью сообщенія и обмѣна. А все это ведетъ къ сглаживанію различій и противоположностей, уничтоженію оригинальности даже во внѣшности—вмѣшательствомъ всесильной моды, распространяющей свою власть не только на одежду, но и на привычки, на взгляды человѣка. «Понятны отсюда жалобы на отсутствіе индивидуальности, на шаблонность, на мундирность и монотонность современной жизни: нѣтъ больше оригиналовъ, а что еще хуже—такъ мало индивидуальностей и индивидуальныхъ личностей».

Но еслибы все сводилось лишь къ протесту сильныхъ натуръ противъ тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ выработкѣ оригинальныхъ характеровъ, настоящихъ индивидуальностей, а не шаблонныхъ представителей толпы,—это было бы еще не такъ печально. Индивидуалистическія тенденціи проявляются часто въ видѣ гораздо болѣе низменномъ и проистекаютъ изъ того, что соотвѣтственная воспитательная среда подавила въ человѣкѣ всѣ высшія стороны и оставила въ его душѣ лишь божка собственнаго, часто очень ничтожнаго «я». Циглеръ вскользь указываетъ нѣсколько бытовыхъ чертъ германской жизни,

сыгравшихъ роль отрицательныхъ воспитательныхъ условій. Онъ указываетъ, наприм., на неблагопріятное вліяніе милитаристическихъ увлеченій въ Германіи. «Въ связи съ военнымъ духомъ субординаціи у нашего болѣе молодого чиновничества развилась черта искательства, и упрекъ въ томъ, что все больше распространяется духъ рабства и византизма, далеко не безоснователенъ».

Успѣхи германскаго оружія, импозантная личность Бисмарка съ его идеями о силѣ, подавляющей право, отуманивали головы учащейся молодежи. Тенденціозное изученіе исторіи въ средней школѣ, тенденціозное преподаваніе ея въ университетѣ такими профессорами, какъ *Трейчке*, тоже воспитывали молодежь въ опредѣленномъ направленіи. Все больше росло среди нея число консерваторовъ; на либераловъ масса молодежи стала смотрѣть какъ на сепаратистовъ, какъ на элементъ, враждебный прочности государственнаго строя, разлагающій его. «Съ консервативными склонностями образованной молодежи,— замѣчаетъ Ц.,—соединялась солдатская грубость по отношенію къ низшимъ и субординація по отношенію къ высшимъ, для чего, впрочемъ, были еще и другія основанія».

Проявленіемъ склонности современнаго нѣмецкаго студенчества къ грубости и насилію по отношенію къ слабымъ служитъ быстрое распространеніе въ его средѣ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ антисемитическихъ тенденцій. Среди студенчества возникъ особый антисемитическій союзъ—«союзъ нѣмецкихъ студентовъ», видѣвшій своего духовнаго вождя въ Трейчке, сильно подчеркивавшій націоналистическій вопросъ и очень несвободный отъ шовинизма. Большинство другихъ студенческихъ союзовъ тоже пріобрѣло антисемитическую окраску, при чемъ принципіально или фактически исключило евреевъ изъ своей среды.

Обстоятельство это, несомнѣнно, свидѣтельствовало о пониженіи уровня нѣмецкаго студенчества. Кромѣ указанныхъ условій, на пониженіе этого уровня вліяли и

нѣкоторыя стороны современнаго экономическаго строя и политическія особенности «новаго курса», но на этихъ особенностяхъ останавливаться мы не будемъ.

Бѣглыя указанія Циглера, притомъ даже не вполнѣ приведенныя нами, всего меньше, конечно, могутъ претендовать на исчерпывающій анализъ условій, способствовавшихъ пробужденію индивидуалистическихъ тенденцій въ Германіи. Для насъ важно было лишь отмѣтить, что были условія, заставлявшія молодежь видѣть что-то особенно привлекательное въ индивидуальной силѣ, въ оригинальности, въ личности, которая на все дерзаетъ и которой поэтому все позволено. Уже одно обаяніе фигуры Бисмарка, который побѣдоносно противопоставилъ свои желанія законному праву, должно было развратить многихъ и многихъ.

Разнообразныя индивидуалистическія тенденціи имѣли у молодежи форму довольно неясныхъ тяготѣній. Но несомнѣнно, что если бы онѣ были сведены въ цѣлую философскую систему, то такая система должна была бы произвести неотразимое впечатлѣніе на тѣхъ людей, сердца которыхъ, по всѣмъ своимъ темнымъ тяготѣніямъ, уже были вполнѣ подготовлены къ воспріятію этой системы. И такую систему далъ молодежи *Ницше.*

Ходъ развитія міросозерцанія Ницше представляетъ рядъ скачковъ, рядъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного увлеченія къ другому. Ницше началъ рѣзкой критикой современной культуры вообще, современныхъ учебныхъ учрежденій въ особенности. Послѣднія возбуждаютъ особое негодованіе философа тѣмъ, что совершенно пренебрегаютъ воспитаніемъ и даютъ лишь ученость, очень часто мнимую. Нѣтъ вождей у юношества,—вождей, которые могли бы перевоспитать ихъ духовно. Людьми, которые могли бы стать такими духовными вождями нѣмецкой молодежи, Ницше признавалъ въ этотъ первый періодъ своей дѣятельности Шопенгауера и Рихарда Вагнера. Въ это время Ницше увлекался всѣмъ геніальнымъ, изъ ряда вонъ

выходящимъ и съ презрѣніемъ относился къ плебейскимъ добродѣтелямъ. Но за этимъ періодомъ духовнаго аристократизма у Ницше слѣдуетъ періодъ увлеченія Сократомъ, какъ представителемъ именно плебейскихъ добродѣтелей. Скромность и благоразуміе восхваляются теперь имъ гораздо больше, чѣмъ геній и искусство. Дѣльная, хотя бы ремесленная серьезная работа стóитъ больше, чѣмъ природныя дарованія и талантъ, прилежаніе выше генія. Цѣль культуры не въ созданіи геніальныхъ художниковъ, а въ познаніи истины.

Но затѣмъ снова у Ницше начинаются сомнѣнія. Вѣдь познаніе индивидуально и относительно, міръ—лишь представленіе. А потому нѣтъ истины, нѣтъ подлиннаго знанія. Ради не существующей правды и не стоитъ поэтому искать познанія, оно имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку умножаетъ красоту въ мірѣ, поскольку бросаетъ больше горячихъ солнечныхъ лучей на все сущее. А совершить это можетъ лишь художественная работа, искусство. Ницше съ надеждой смотритъ на поэтовъ, какъ на «астрономовъ идеала», какъ на вѣщихъ людей, могущихъ разсказать намъ о «пурпуромъ горящихъ звѣздахъ и о всемъ млечномъ пути прекраснаго». Со всею страстью снова выдвигаются на первый планъ роль и значеніе генія. И высочайшимъ геніемъ рисуется ему въ то время Заратустра, личность котораго мало-по-малу сливается съ личностью самого Ницше. Въ неоконченномъ стихотвореніи въ прозѣ «Такъ говоритъ Заратустра» послѣдній возвѣщаетъ старое, но вновь обновленное ученіе о непрестанномъ возвращеніи прежняго. «Жизнь, какую и какъ ты ведешь теперь и велъ прежде, ты долженъ будешь пережить еще разъ и еще безконечное число разъ. Не будетъ ничего новаго, но каждое страданіе и каждая радость, всякое удовольствіе и всякій вздохъ и все невыразимо малое, и все великое твоей жизни—все это снова должно вернуться и все въ той же послѣдовательности и порядкѣ: именно этотъ же самый паукъ, и этотъ же лунный свѣтъ межъ

деревьевъ, и именно это же мгновеніе и я самъ. Вѣчные песочные часы бытія будутъ вѣчно снова и снова повертываться и вмѣстѣ съ ними ты—пылинка отъ пыли».

«Но такое возвращеніе и повтореніе собственной жизни, говоритъ Циглеръ,—внушало Ницше ужасъ отвращенія. Именно на благороднѣйшихъ и наиболѣе тонко чувствующихъ, страдающихъ отъ жизни, эта мысль должна дѣйствовать «почти подавляющимъ образомъ». Чтобы захотѣть снова пережить эту жизнь, нужно особенно любить и цѣнить ее, а это—дѣло «черни холодной и не испытывающей особенно внутренняго горя», это—дѣло здоровыхъ и сильныхъ, жизнерадостныхъ и счастливыхъ. А Ницше не былъ ни здоровъ, ни силенъ, онъ страдалъ отъ жизни. Но именно поэтому онъ и дѣлаетъ насиліе надъ собою, трусостью должно казаться ему—не вѣрить этому ученію; и онъ продолжаетъ со страстью вѣрить тому, что причиняетъ ему страданіе. Но чтобы имѣть силу для этого, чтобы снова пожелать жить, а не быть только обязаннымъ жить, Ницше долженъ прежде всего преобразовать самую жизнь. А не умѣя нигдѣ останавливаться на полдорогѣ, онъ дѣлаетъ человѣческую жизнь не только достойной жизни, но прямо божественной; апоѳеозъ жизни и человѣка (не всѣхъ людей, а опредѣленнаго человѣка) для него потребность.

«Вотъ здѣсь и коренится ученіе о сверхчеловѣкѣ,—ученіе, бывшее сперва для Ницше лишь крайнимъ исходомъ и утѣшеніемъ, чѣмъ-то въ родѣ вспомогательной гипотезы и лишь постепенно, заполняясь содержаніемъ его интимнѣйшаго міра, пріобрѣтшее самостоятельное значеніе».

Среди монотоннаго фона однообразной и безконечной скучной жизни, то тамъ, то сямъ, благодаря случайной счастливой комбинаціи обстоятельствъ, появляется сверхчеловѣкъ. Этимъ сверхчеловѣкомъ можетъ быть лишь философъ, а философъ, по мнѣнію Ницше, есть не ученый, а художникъ, творецъ, руководитель человѣческой жизни. «Истинные философы—владыки и законодатели, они го-

ворятъ: такъ должно быть, они опредѣляютъ, куда и зачѣмъ идетъ человѣчество, они простираютъ свою творящую руку къ будущему». Философы отрицаютъ прежнюю аскетическую мораль и замѣняютъ ее новою, болѣе благородною, по мнѣнію Ницше, моралью желанія жизни и власти. Ницше лишенный историческаго чутья, считалъ возможнымъ полный разрывъ съ прошлымъ; для совершенія такого разрыва нужна, думалъ онъ, лишь дѣятельность «царственнаго воспитателя и властителя культуры», и имъ-то является философъ, въ лицѣ самого Заратустры—Ницше.

Выдвигая далеко впередъ своего сверхчеловѣка, Ницше не допускаетъ одинаковыхъ правъ и для членовъ остальной части человѣчества. Всѣ, масса—для Ницше въ этотъ періодъ не представляли интереса. Его интересовало лишь благо единицъ, ведущихъ борьбу за свое благосостояніе противъ массы. Ему ненавистны всякія идеи равенства; и понятно почему Ницше со злобною ненавистью относится къ соціализму. Но, по странному недоразумѣнію, онъ враждуетъ и съ анархизмомъ, этимъ глубоко индивидуалистическимъ, а потому вполнѣ сроднымъ Ницшеанству ученіемъ. Въ анархизмѣ Ницше отталкиваетъ принципъ всеобщаго равенства, признаваемый этими «канальями»—таковыми представляются они аристократической натурѣ философа. Въ конечномъ счетѣ, какъ идеальный строй, ему рисуется не анархія, а господство сильныхъ и могучихъ—въ видѣ ли аристократіи, какъ особой касты, высшей породы людей, или въ формѣ тиранніи единичныхъ повелителей, въ родѣ Цезаря Борджіа или Наполеона.

Вверху стоящіе люди для Ницше вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственно-хорошіе люди. Хорошіе потому, что, будучи знатными и сильными, могучими и высшими, они заставляютъ считать свое поведеніе, свой способъ дѣйствія хорошимъ, перворазряднымъ въ противоположность всему остальному—низменному, мѣщанскому, пошлому. Основнымъ мотивомъ морали является стремленіе къ власти,

и это стремленіе выдвигаетъ впередъ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя расы. Эти избранники — недоступны чувству состраданія; твердость, сила—ихъ основныя черты. Для нихъ нѣтъ другого закона, кромѣ собственной воли и желанія. Прочимъ остается лишь преклоняться передъ ними и признавать нравственнымъ все, что дѣлаютъ эти избранники; уже потому, что это дѣлаютъ они—избранники, сверхчеловѣки.

Звучный эпитетъ сверхчеловѣка, идея о томъ, что этому сверхчеловѣку все позволено, такъ какъ онъ выше законовъ,—все это должно было увлечь многихъ изъ молодежи, уже въ школѣ воспитывавшейся на культѣ героевъ, на индивидуалистическихъ тенденціяхъ, на преклоненіи не предъ нравственной чистотой, а предъ силой. Каждому изъ такихъ людей лестно было зачислить себя въ разрядъ сверхчеловѣковъ или хотя бы сверхчеловѣчковъ. Многихъ увлекало и то, что ученіе Ницше представляло собой протестъ романтики противъ скуки и разсудительности повседневной жизни, протестъ молодой силы, жадной къ ощущеніямъ жизни, противъ аскетическихъ идеаловъ традиціонной морали. На многихъ юношей и женщинъ конца вѣка Ницше производилъ сильное впечатлѣніе символизмомъ своихъ произведеній, увлекательнымъ изяществомъ и изысканностью своего стиля и даже афористической манерой изложенія. Книга, состоящая изъ тонко отточенныхъ афоризмовъ, чтеніе которой можетъ быть безъ ущерба для цѣльности прервано въ любомъ мѣстѣ, особенно своевременна теперь, когда за сутолокой вѣчно мятущейся жизни трудно надолго сосредоточить мысль на изученіи одной книги.

Если болѣзненныя идеи крупнаго, но нездороваго, кончившаго маніей величія ума заразили, подобно эпидемическому заболѣванію, многихъ и даже слишкомъ многихъ, то въ этомъ прежде всего вина нездоровой обстановки. Эпидемически распространяются вѣдь не одни физическія, но и духовныя заболѣванія, если есть благопріятствующія

такимъ заболѣваніямъ условія. А они, какъ мы видѣли, къ сожалѣнію, существуютъ въ дѣйствительности, существуютъ и въ жизни, и въ школѣ. Необходима реформа и первой, и второй.

Вопросъ о реформѣ школы долженъ былъ стать, въ концѣ концовъ, жгучимъ вопросомъ дня, и онъ сталъ имъ въ Германіи въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Особенно волновало умы однако не положеніе народной школы; ее считали въ общемъ удовлетворительной, оживленные толки вызывали здѣсь лишь вопросъ о надлежащей подготовкѣ учителей и улучшеніи учительскаго положенія. Для удовлетворенія законныхъ требованій учительства, въ концѣ концовъ, были приняты коекакія мѣры, или точнѣе полумѣры.

Гораздо больше вопроса о народной школѣ сосредоточилъ на себѣ вниманія вопросъ о средней школѣ. Уже съ перваго десятилѣтія вѣка раздаются голоса, жалующіеся на неудовлетворительность гимназическихъ программъ и на переутомленіе, къ которому приводитъ многопредметность.

Въ 1848 г., какъ мы упоминали уже, противъ классической школы былъ предпринятъ энергичный походъ, но послѣдовавшая эпоха реакціи 50-хъ годовъ свела на нѣтъ всѣ реформаторскія попытки. Съ бо́льшей энергіей и съ бо́льшимъ видимымъ успѣхомъ походъ противъ классической школы былъ снова начатъ въ 80-хъ годахъ. Походу этому предшествовало временное полное затишье, но за затишьемъ повсемѣстно разразилась буря. Преподаватели естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подняли громкій протестъ противъ недостаточности даваемой гимназіями подготовки. Они требовали сокращенія въ гимназіяхъ курса древнихъ языковъ и расширенія курса математики и естествознанія. Врачи, кромѣ того, совмѣстно съ отцами и матерями, жаловались на переутомленіе учащихся. Жалобы эти достигли правительства особенно потому, что ихъ сумѣли

выразить на понятномъ для военнаго государства языкѣ: переутомленіе, говорили эти жалобы, понижая физическія силы, понижаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и боевую способность германскаго народа. Встревоженное правительство назначило рядъ комиссій, отобрало медицинскія заключенія и приступило къ обсужденію вопроса о сокращеніи программъ, особенно по древнимъ языкамъ, противъ которыхъ раздавалось наибольше жалобъ. Вопросъ объ измѣненіи гимназическихъ программъ былъ въ то время однимъ изъ самыхъ модныхъ. Не только спеціалисты, не только общая и педагогическая пресса волновались его разрѣшеніемъ, живѣйшее участіе въ дѣлѣ приняло и общество. Петиціи объ измѣненіи программъ покрывались тысячью подписей, министерство было завалено проектами реформъ: въ 1889 году министръ Госслеръ получилъ 344 подобныхъ проекта. А когда для обсужденія плана гимназическихъ реформъ была собрана въ 1890 г. въ Берлинѣ «школьная конференція», «на нее,—говоритъ Циглеръ,—все въ тѣ дни взирало съ напряженнымъ ожиданіемъ, какъ будто бы отъ нея должны были проистечь всяческія блага для нашего воспитательнаго дѣла. Вмѣшательство императора, который, опираясь на воспоминанія о собственныхъ школьныхъ годахъ въ Касселѣ, выступилъ адвокатомъ жалобъ на переутомленіе и недостаточно національный характеръ школы, придало движенію съ внѣшней стороны еще большій подъемъ и важность. Но этимъ, по существу, былъ исчерпанъ интересъ движенія. Уже составъ конференціи заставлялъ предвидѣть, что дѣло идетъ скорѣе о сохраненіи существующаго, чѣмъ о созданіи новаго... Заключенія собранія носили безпринципный характеръ компромисса. Рѣшеніе дѣла въ сущности было предоставлено прусскому школьному управленію. Результаты работы, поскольку они выразились въ учебныхъ планахъ 1892 г., не удовлетворили никого»—ни приверженцевъ новой школы, ни правовѣрныхъ классиковъ. «Никто,—замѣчаетъ Циглеръ,—не вѣритъ въ прочность совершившейся школь-

ной реформы, которая еще лишній разъ доказала лишь одно, именно, что бюрократія всего меньше способна къ творческой мысли и дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ. Изъ дебатовъ на собраніяхъ естествоиспытателей въ 1898 году видно, что дѣло лишь пріостановлено и подготовляется новая буря. Но для большой публики въ наше быстро живущее время, школьные вопросы, послѣ того какъ все поднятое подъ этимъ знаменемъ движеніе не привело къ рѣшительнымъ результатамъ, потеряли интересъ». Ими, конечно, не перестала интересоваться наиболѣе сознательно живущая часть общества и учительства, ясно видящая, что дѣло не въ томъ или другомъ частичномъ измѣненіи программъ, а въ полной перестройкѣ всѣхъ основъ средней школы на общественномъ, вмѣсто прежняго индивидуалистическаго, принципѣ. Но если цѣлью школы не можетъ служить исключительно созданіе гармонически развитыхъ личностей, чѣмъ задавалась гуманистическая гимназія, то не можетъ быть ею и подготовка «патріотовъ своего отечества», шовинистически настроенныхъ чиновниковъ и воякъ, чего требуютъ отъ школы тѣ изъ націоналистовъ-реформаторовъ, которые, толкуя о созданіи вѣрныхъ слугъ родины, умышленно или bona fide смѣшиваютъ родину съ департаментомъ и полкомъ. Есть, конечно, въ Германіи очень много людей, которымъ подобное толкованіе понятія «родина» представляется нѣсколько узкимъ, и они очень мало ждутъ добра отъ тѣхъ попытокъ школьныхъ реформъ, которыя исходятъ отъ людей, съ молокомъ матери впитавшихъ департаментскіе и казарменные взгляды на отечество и общественный долгъ. Чего хотятъ эти скептики и откуда ждутъ они спасенія, объ этомъ приходилось и придется еще говорить «Вѣстнику Воспитанія» много разъ, а здѣсь, чтобы не отвлечься въ сторону, на вопросѣ этомъ останавливаться мы не можемъ.

Лишь вкратцѣ можемъ мы также остановиться на томъ, какой характеръ приняли въ послѣдніе годы наука и искусство.

Для общественныхъ наукъ интересно отмѣтить усиленіе въ нихъ коллективистическихъ тенденцій. Мы говорили уже объ этомъ по отношенію къ политической экономіи, то же замѣчается и въ исторіи. Здѣсь тенденціи эти принимаютъ иногда специфическую форму такъ называемаго историческаго матеріализма. Не идеи, согласно этому ученію, опредѣляютъ дѣйствія человѣка, но человѣкъ самъ создаетъ свои идеи. И создаетъ онъ ихъ подъ вліяніемъ опредѣленной обстановки, и именно подъ вліяніемъ производственныхъ отношеній и даннаго состоянія техники, опредѣляющаго экономическую структуру общества, данное распредѣленіе собственности и обусловливающаго въ дальнѣйшемъ юридическія и политическія надстройки и всѣ проявленія духовной жизни. Роль индивида является при этомъ, конечно, совершенно ничтожной.

Но даже среди тѣхъ, кто видитъ много истиннаго въ ученіи историческаго матеріализма, не всѣ считаютъ его достаточно полнымъ. Одни, признавая огромное значеніе среды, считаютъ одностороннимъ сводить ее къ однимъ только производственнымъ отношеніямъ; другіе, не отрицая выдающейся роли коллективистическаго, общественнаго фактора, придаютъ важное значеніе также индивидуалистическому, личному моменту въ исторіи. Представителемъ послѣдняго направленія, стремящагося примирить коллективистическую и индивидуалистическую точку зрѣнія, является извѣстный германскій ученый *Лампрехтъ* (его «Исторія нѣмецкаго народа» есть и въ русскомъ переводѣ).

Въ *этикѣ* все больше крѣпнетъ эволюціонное направленіе, наиболѣе блестящими представителями котораго въ Германіи являются *Іерингъ* и *Вундтъ*. «Вундтова этика,—говоритъ Циглеръ,—можетъ быть поставлена въ параллель съ Лампрехтовскимъ историческимъ универсализмомъ, такъ какъ рядомъ съ индивидуальной волей она устанавливаетъ общую волю и приписываетъ послѣдней столько же реальности и дѣйствительности, какъ и пер-

вой, и выясняетъ ихъ взаимодѣйствіе». Тѣ же коллективистическія тенденціи сказываются и въ *психологіи*. «И здѣсь на ряду съ индивидуальной психологіей существуетъ психологія народовъ, давно имѣющая уже собственный журналъ. Медленно начинаетъ брежжить идея объ общественной и коллективной психологіи, взглядъ, что законы, имѣющіе силу для этой области, не совпадаютъ вполнѣ съ тѣми законами, которые найдены для духовной жизни единичныхъ личностей и еще меньше могутъ быть атомистически составлены изъ первыхъ. Пока созданіе соціальной психологіи—дѣло будущаго. Несмотря на труды Штаммлера и Штейна, у насъ ничего почти еще не сдѣлано для этой области; наиболѣе удачныя попытки построенія принадлежатъ *Зиммелю*».

Общественный характеръ науки сказывается въ послѣднее время не только въ коллективистическихъ тенденціяхъ ея, но и въ созданіи научныхъ организацій, въ которыхъ отдѣльныя личности дѣйствуютъ рука объ руку и подчиняютъ свои работы общему плану. Таковы грандіозныя научныя экспедиціи, сѣти наблюдательныхъ станцій, огромныя сводныя научныя сочиненія, постоянныя комиссіи для изслѣдованія опредѣленныхъ областей. Научная производительность пріобрѣтаетъ иногда при этомъ нѣсколько фабричный характеръ, кое-гдѣ подавляются и оригинальность, и личная иниціатива, но въ общемъ, благодаря коллективной работѣ, въ наукѣ пульсируетъ энергичная жизнь.

Не только въ наукѣ, но и въ искусствѣ сказываются коллективистическія тенденціи. Онѣ несомнѣнны въ поэзіи, но Циглеръ отмѣчаетъ интересный фактъ существованія ихъ и въ живописи. Замѣчается, говоритъ онъ, особенное подчеркиваніе среды. Живопись съ особенною любовью стала останавливаться на соціальныхъ сюжетахъ и по-своему приняла участіе въ соціальной борьбѣ, волнующей теперь міръ.

Что касается поэзіи, то Циглеръ указываетъ на сильно

сказывающееся въ ней иноземное вліяніе. «Къ числу особенно интересныхъ чертъ нашего, столь богатаго противорѣчіями, времени принадлежитъ то, что молодежь наша, все еще несвободная отъ патріотическихъ кривляній, такъ исключительно держится за иностранные образцы: сперва пришло французское, затѣмъ русское и, наконецъ, какъ наиболѣе сильное, скандинавское вліяніе». Всѣ эти вліянія—и французовъ—*Золя* и *Мопассана*, и русскихъ—*Достоевскаго* и *Толстого*, и норвежца *Ибсена*, съ его сложною системой идей, проповѣдью евангелія индивидуализма съ одной стороны и рѣзкой критикой существующаго строя и признаніемъ подавляющаго вліянія наслѣдственности съ другой,—воспринимались почти одновременно, и эта сложная смѣсь вліяній, во многомъ противоположныхъ, вносила большую смуту, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ подражателей не отличался геніальностью своихъ великихъ образцовъ. Всѣ эти чужеземцы были смѣлыми писателями, приближавшимися въ своихъ произведеніяхъ къ той границѣ, за которую не допустимо переходить въ искусствѣ,—подражателямъ же ихъ было уже не подъ силу не перейти за эту узкую пограничную линію: кто подражалъ Золя, впадалъ въ фотографичность, низменность и пошлость; подражатели Мопассана подчеркивали чувственный элементъ, который безъ легкой Мопассановской граціи становился просто пошлымъ; присущее Достоевскому и Ибсену искусство изображенія человѣческой души требуетъ такого знанія человѣка, какого не было ни у кого изъ молодежи, а оба этихъ писателя такъ близко подходятъ къ границѣ болѣзненнаго, что ихъ вліяніе внесло въ нѣмецкую литературу черты нездороваго, душевно-ненормальнаго... Всѣ черты, которыми отличались чужеземцы, проявляетъ и современная нѣмецкая литература. За національно-политической эрой послѣдовала соціальная. Ей соотвѣтствуетъ удѣленіе особаго вниманія обрисовкѣ среды, изображаемой въ особенности какъ среда соціальная. И въ этомъ отношеніи

Золя какъ величественнѣйшимъ своимъ произведеніемъ «Жерминаль», такъ и недавнимъ романомъ «Парижъ» далъ примѣръ и образецъ. Къ соціальной средѣ принадлежатъ также нужда большинства населенія и испорченность верхняго десятка тысячъ; первую изобразилъ въ своихъ «Ткачахъ» *Гауптманъ*, вторую *Зудерманъ* въ «Гибели Содома».

Но если драма принимала одно время почти исключительно общественный характеръ, то затѣмъ, благодаря усиленію вліянія Ибсена, къ которому присоединилось и вліяніе Ницше, произошелъ переходъ къ индивидуализму. Сцену и литературу наводнили драмы и романы, въ которыхъ на первый планъ выдвигались единицы, сверхчеловѣки, или побѣдоносно пролагавшіе свой путь, или погибавшіе трагически.

Подобно тому, какъ общественному направленію приходится теперь сталкиваться съ индивидуалистическимъ, такъ и здоровому натурализму предыдущей эпохи приходится бороться съ болѣзненнымъ мистицизмомъ, тамъ и сямъ проявляющимся въ литературѣ и находящимъ, при крайней сложности современныхъ вліяній, своихъ почитателей.

Рѣдко въ какое другое время литературные вопросы настолько волновали нѣмецкое общество, какъ въ наши дни, когда первое представленіе Зудермановскаго «Іоанна Крестителя» или Гауптмановскаго «Флоріана» пріобрѣтаетъ характеръ настоящаго событія. Но при всемъ томъ нѣмецкая поэзія, даже въ произведеніяхъ своихъ лучшихъ представителей—Зудермана и Гауптмана, не является, по мнѣнію Циглера, истиннымъ отраженіемъ современной нѣмецкой жизни. Отличительной чертой ея Циглеръ считаетъ силу, энергію, напряженную дѣятельность, а именно силы-то и недостаетъ современнымъ поэтамъ.

Въ настоящемъ такъ много прямо противоположныхъ и взаимно враждующихъ теченій, что у всякаго невольно является вопросъ, какому же изъ этихъ теченій придется

торжествовать побѣду въ наступающемъ столѣтіи. «Но,— справедливо замѣчаетъ Циглеръ,—никто изъ насъ не можетъ предсказать, какова будетъ физіономія XX-го вѣка, какъ онъ разрѣшитъ свои задачи, и даже каковы будутъ ближайшія задачи вѣка, хотя задачи эти и должны вырасти изъ современности. Споръ между общественностью и индивидуализмомъ будетъ продолжаться и дальше. Каждый, конечно, по своимъ личнымъ симпатіямъ будетъ желать побѣды въ XX вѣкѣ тому или другому теченію, но нельзя предсказать въ этомъ отношеніи чего-либо опредѣленнаго... Одно несомнѣнно, что работать надъ общественнымъ вопросомъ необходимо и дальше... Всего увѣреннѣе можно предсказать побѣду женскому вопросу: въ этомъ отношеніи нужно исправить тяжкую несправедливость; заинтересованныя въ вопросѣ лица сознаютъ это и рѣшились не подчиняться больше существующей несправедливости; и въ мужскомъ лагерѣ растетъ число тѣхъ, кто убѣдился въ законности женскихъ требованій и рѣшился подать руку помощи. Побѣда принципа обезпечена, можно лишь спорить относительно темпа и послѣдовательности разрѣшенія вопроса; кто сопротивляется движенію, свидѣтельствуетъ лишь о рѣшительной отсталости своей».

То или другое прогрессивное завоеваніе XX вѣка не можетъ остаться исключительнымъ достояніемъ Германіи, такъ какъ одной изъ характернѣйшихъ сторонъ современной жизни является ея интернаціональность: взамѣнъ мѣстной обособленной жизни мелкихъ государствъ прежняго времени теперь несомнѣнно приходится имѣть дѣло съ участіемъ въ общеміровой жизни каждаго изъ культурныхъ государствъ; несомнѣнно, что на судьбѣ каждаго государства, на его внутреннихъ даже распорядкахъ отражается то, что происходитъ у близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Увѣренность въ этомъ фактѣ далеко однако не позволяетъ каждому отдѣльному члену общечеловѣческой семьи предоставить другимъ вершить за себя

всѣ дѣла въ надеждѣ, что отъ богатой трапезы, уготованной другими, перепадетъ что-нибудь и на его долю. Кто лѣниво и безсильно складываетъ руки, тотъ осуждаетъ себя на погибель: это одинаково справедливо какъ по отношенію къ индивидуальнымъ, такъ и общественнымъ единицамъ.
